

ЛЮДМИЛА КОЗЛОВА

Афганское болеро

2004 г
г.Бийск

**ББК 84 (2 Рос-Рус) 6
К-875**

**К-875 Л.Козлова. «Афганское болеро» .-
Повесть, рассказы-г.Бийск.- 164 с.**

Людмила Козлова – автор нескольких книг поэзии и прозы. Член Союза писателей России, лауреат краевых литературных премий им. В.М. Шукшина и Л.С. Мерзликина и литературной премии Славянского общества.

**ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-4
ISBN 5-87643-075-7**

Редактор и рецензент Николаев Н.М.

© Козлова Л.М.

АФГАНСКАЯ РАПСОДИЯ*

(История воинов – бийчан, записанная в
книге Жизни)

** повесть основана на событиях,
происшедших в конце 80-х годов 20 в., но
любое сходство с реальными людьми
случайно*

Часть первая. СРЕДИ СКАЛ

*****

Потерянный мир. Шехерезада.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Он дома, в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя...почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы - тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

«Шехерезада...» - приходит ленивая мысль. Красочные ткани обвивают стройные ноги, то, сливаясь в одно целое, то, распадаясь на летучие лоскуты. Шехерезада, танцуя, удерживает

руки на уровне гибкой талии, не давая им спуститься туда, где бьёт вечным ключом источник сладкой муки. Лейтенант, не отрывая глаз, следит за плавными движениями точёных рук и тонких бёдер. Нет, ещё не сейчас. Ещё мгновение... И вот уже нет сил ждать! Его рука скользнула по гладкой коже, прильнула к тёплой плоти.

Шехерезада замерла. Мужские руки медленно поплыли вверх, будто воздавая хвалу Богу.

Страстный возглас снёс лейтенанта с широкого ложа. Шехерезада восхищённо наблюдала за этим превращением. Он положил её рядом с собой и замер. Осторожно прикоснулся к левому маленькому соску, к правому... Ритм музыки ускорился. Каждая её клетка затрепетала, напряглась в ожидании. Губами он продолжал ласкать грудь. Его правая рука добралась до заветного места. Найдя нетерпеливо горячую розу, он нежно прижал её и, дождавшись ответной реакции, стал настойчиво и плавно хозяйничать там, где ключом била страсть. Шехерезада застонала от сладкой муки, выгнула спину, словно кошка в порыве желания. Но он, юный любовник, вдруг оставил её, испугавшись своей

смелости, и даже отодвинулся на край кровати, закрыв глаза. Прошла бесконечная минута. Тело Шехерезады успокоилось, страстные судорожные движения уступили место расслабленному сладкому отдыху.

Лишь когда Шехерезада уже была не в силах терпеть муку желания, они соединились, и он так любил её в лунном свете, что казалось сам воздух, пропитанный страстью, слился с юными любовниками, благоухая и светясь, как плоть Луны. Они падали куда-то в бездонную пропасть.

Лейтенант очнулся, увидел серые громады скал, услышал рокот горных вод и гортанные крики ворон. Солнце немилосердно жгло, заполняя воздух тягучим зноем. Сознание снова медленно угасло. Прекрасный образ Шехерезады заполнил мир.

Картина вторая

Весь день Лейтенант был занят разными мелкими делами – огромная пачка не разобранных корреспонденций для комиссариата, несколько писем для печати, пара готовых посланий для отправки факсом... За окном сияло солнце, синицы пели свои звонкие песни, чуя тёплое дыхание весны. Всё

видел и слышал лейтенант, улыбался людям, улыбался синему небу. Но там, на далёком плане - он всё время ощущал, что дома его ждёт сияющая радость – ясноглазое счастье, его жена. Ещё вчера они были женихом и невестой. Лейтенант скользнул глазами по тексту и приготовился отправить факс по адресу. Случайный взгляд в окно заставил его вздрогнуть – там, на тротуаре, около киоска стояла юная девушка. Издалека она казалась похожей на Шехерезаду настолько, что он не смог удержаться, чтобы не взглянуть на незнакомку поближе.

Взяв папку с бумагами, походкой делового мужчины лейтенант вышел на улицу и двинулся по тротуару навстречу двойнику Шехерезады.

Девушка рассеянно смотрела по сторонам, видимо, кого-то ожидая, и абсолютно не обратила внимания на лейтенанта. Незнакомка, действительно, была копией Шехерезады, и отличалась от оригинала только цветом волос и одеждой.

Лейтенант, потрясённый увиденным, повернул за здание комиссариата и вошёл чёрным ходом в свой кабинет. Словно магнит, притягивала

его картинка в окне—эта внезапно возникшая ниоткуда загадка.

Девушка, скучая, прохаживалась туда-сюда, поглядывая на часы, а Лейтенант с любопытством ждал – кто же придёт на свидание. Время словно остановилось. Мысленно Лейтенант подгонял минуты – так ему не терпелось увидеть финал.

Прошла целая вечность, так показалось лейтенанту, прежде чем появился ожидаемый объект. Это был молодой мужчина, почти юноша. Он бежал со стороны автобусной остановки, размахивая букетом цветов, понимая, что опоздал. Лейтенант буквально прилип к стеклу, стараясь как можно лучше рассмотреть юношу. Этот элегантно одетый мальчик кого-то напоминает ему, но кого?

Вот он приближается, машет рукой. Девушка в ответ делает то же. Вот они, взявшись за руки, уже стоят рядом друг с другом, почти соприкасаясь губами. И тут лейтенант, как бы теряя ощущение реальности, осознал, что видит свою копию.

Ничего не понимая, в страшном волнении, смотрел он на эту сцену, словно во сне наблюдая, как он сам общается с двойником Шехерезады.

Сознание отказывалось объяснять происходящее. Юная парочка, обнявшись, двинулась вдоль тротуара, удаляясь от комиссариата. Лейтенант лихорадочно думал, что же нужно сделать, чтобы понять то, что увидел. Инстинктивно он набросил китель, вышел на улицу и двинулся вслед за влюблёнными. Он не знал, как поступит дальше, но чувствовал, что не может упустить из виду своего двойника.

Два юных существа, совершенно не подозревая, что за ними кто-то следит, беззаботно шли в сторону набережной. Лейтенант, как привязанный, двигался за ними.

Он наблюдал весь стандартный репертуар влюблённых–разговоры ни о чём, смех, объятия, поцелуи... Парочка прошла вдоль набережной, посидела на лавочке. Юноша купил мороженое для своей дамы.

Наконец, влюблённые сели в трамвай и поехали в сторону новостройки. Лейтенант последовал за ними. Он не знал, чего хотел, но понимал, что не может просто так потерять их из виду.

Они вышли на остановке около ресторана «Север» и двинулись к большому дому, огороженному высоким забором. День уже склонился к вечеру,

солнце разлилось по горизонту малиновым заревом. Уже появились на востоке первые бледные звёздочки.

Двойник Шехерезады, эта беззаботная юная особа, попрощалась со своим спутником и исчезла за тесовыми воротами. Однако он не торопился уходить. Стоя у забора, прислонившись к белым узорчатым воротам, он чего-то ожидал. Быстро темнело. Далеко на горизонте взошла огромная багровая луна.

Наконец, юноша двинулся вдоль забора к развесистому тополи, ветви которого протянулись к освещённому окну дома. Он легко и быстро взобрался по стволу дерева и, пробравшись по толстым веткам, оказался у самого окна. Створки открылись изнутри, лейтенант увидел двойника Шехерезады. Она подала руку и втащила своего спутника в окно – такова была награда за его долгое ожидание. Лейтенант кинулся к дереву и оказался напротив освещённой комнатки. Он увидел, что его двойник бросился на постель, укрытую кружевным одеялом. И тут лейтенант, не понимая, как это происходит, мгновенно переместился в юное тело двойника.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в

окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он дома - в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы - тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

-Шехерезада...-приходит ленивая мысль...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыл глаза, увидел то же каменное ущелье, заполненное вязким палящим зноем. Всё тело болело, рук он не чувствовал. Чуть скосив глаза, понял, что руки вывернуты назад, накрепко привязаны к столбу и давно потеряли чувствительность. Он изо всех сил пытался удержать ясность сознания, но мир закружился, сворачиваясь в бесконечный рулон. Смеющийся образ Шехерезады возник из далёкой точки в пространстве и стал приближаться, раскрываясь, как волшебный цветок.

Картина третья

Лейтенант проснулся поздно, слышал звуки дня –голос жены, звон посуды на кухне, чириканье воробьёв. Быстро вскочил. У него много дел, не смотря на то, что сегодня выходной. Нужно успеть в десять мест. Но сначала, конечно, в магазины – выбрать подарок для жены ко Дню Рождения. Он умылся, выпил кофе и, выйдя во двор, сел в свой голубой «Москвичок» – машина ночевала прямо на улице, потому что гараж далеко, до него семь вёрст киселя хлебать.

Он любил водить машину, любил быструю езду, но в городе по узким улочкам не разбежишься. В универмаге было душно, тесно, толкалось много народа. Лейтенант внимательно осмотрел все отделы, где можно купить что-то подходящее, но ничего не нашёл.

В старом универмаге выбор побогаче, но для подарка ничего не попадалось. В магазине «Мелодия» лейтенант долго рассматривал пластинки - любимого женой болеро Равеля не обнаружилось. Он не терпел ходить по магазинам, и стал уже уставать от прилавков, вещей, суеты, решил выйти, немного отдохнуть на воздухе. Купил мороженого, устроился на сиденьи в машине, открыв дверцу. Холодное пряное

мороженое было очень кстати – лейтенант проголодался.

Случайно брошенный направо взгляд привёл его в шок - он увидел стоящую около высокого крыльца магазина юную девушку. Издалека она так была похожа на Шехерезаду, что лейтенант чуть не выпрыгнул из машины и не побежал к ней. Но что-то в её облике остановило его – девушка была яркой блондинкой. Длинное тёмное пальто очень модного покроя сидело на ней совершенно иначе – слишком неприступно, слишком гордо выглядела она. Шехерезада никогда не бывала такой. Или он просто увидел её со стороны?

Через пять минут девушка помахала кому-то рукой. Проследив направление её взгляда, лейтенант увидел молодого человека в чёрном костюме, который направлялся к двойнику Шехерезады. Взявшись за руки, обнявшись, они подошли к синему «ВАЗу». Лейтенант с ужасом осознал, что юноша, который садится в машину – точная его копия. Сам не понимая зачем, он включил зажигание и двинулся следом за синей машиной. «ВАЗ» мчался по Чуйскому тракту, мимо соснового бора – в сторону Катуня. Проехав совсем немного, автомобиль свернул направо и

остановился на диком пустынном пляже на берегу реки.

Парочка влюблённых расположилась возле машины. Разостлав яркий тент на траве, они вытащили всё, что привезли и, разложив съестное, сели за трапезу.

Лейтенант из-за густых кустарников облепихи наблюдал за пиршеством. Потом юная парочка загорала. Видно было, что им хорошо вдвоём. В общем, люди отдыхали, не подозревая, что кто-то следит за ними. Несколько раз лейтенант уже подумывал уехать, но сознание подсказывало, что он не может просто так упустить их из вида. День пролетел как-то очень быстро. Лейтенант с сожалением вспомнил, что ничего из намеченного сегодня не выполнил.

Далеко на горизонте возшла огромная луна. Её багровый диск напомнил ему что-то былое, случившееся, может быть... вчера?

Копия Шехерезады достала из машины яркое одеяло. Бросив его поверх тента, девушка легла посередине и раскинула руки. Юноша, упав на колени, стал раздевать её. То, что произошло дальше, лейтенант не смог осознать. Он

мгновенно переместился в тело своего двойника.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он дома - в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы - тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

-Шехерезада...-приходит ленивая мысль. Красочные ткани обвивают стройные ноги, то сливаясь в одно целое, то распадаясь на летучие лоскуты...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыв глаза, увидел то же каменное ущелье, заполненное вязким палящим зноем. Всё тело болело, руки вывернутые назад, накрепко привязанные к столбу, давно потеряли чувствительность. Скосив глаза, он увидел невдалеке ещё три столба и привязанных к ним ребят – солдат первогодков из своей части. Избитые, распухшие лица, губы - сплошная короста. Гинастёрки изорваны в лохмотья, залиты кровью. На одном из

столбов в ожидании сидит большая ворона. Лейтенант изо всех сил пытался удержать ясность сознания, но мир закружился, сворачиваясь в бумажный рулон. Смеющийся образ Шехерезады возник из далёкой точки в пространстве и закрыл страшную картину реальности.

Картина четвёртая

Комиссариат гудит - пришёл приказ о направлении десяти офицеров для исполнения интернационального долга в Афганистане сроком примерно на год. Никто не называет имени страны - это секрет, но все его знают. Знают о том, что предлагать будут каждому – сначала идёт набор добровольцев. Если не наберут десяти человек, тогда...

Лейтенант сразу решил - не уклоняться. Причина к этому серьёзная - жена на первом месяце. Когда он вернётся, как раз родится первенец. Он хотел быть в это время дома. Если отложить отъезд сейчас, то когда придёт второй приказ, уже нельзя будет отказаться, и жена с малышом останется одна на целый год. Но как-то она примет его решение? Он надеялся, что поймёт правильно, ведь жена военного должна быть готова ко всему. Лейтенант

вздыхнул и отправился в кабинет, где записывали добровольцев.

-Ты всё продумал, молодожён? – спросил капитан Иванов. – Ну, тогда пишу тебя третьим. Двое уже есть. Лейтенант вернулся на своё место, сел за стол, задумался. Неясная тревога заполнила маленькую комнатку и не давала остановиться мысли на чём-то конкретном. Казалось – где-то далеко открылась бездна. Гуляющий в её глубине смерч, такая живая воронка, затягивала пространство и время, а с ними и его – лейтенанта, мальчишку, ничего не успевшего ещё сделать в жизни. Случайный взгляд в окно заставил вздрогнуть – на углу соседнего здания, стояла юная особа на роликовых коньках с маленьким портфелем в руках. Издалека она так напоминала Шехерезаду, что лейтенант чуть было не выскочил на улицу, чтобы спросить, как она здесь оказалась.

Внешнее сходство было поразительным.

Лейтенант вышел из здания, проследовал мимо незнакомки, внимательно глядя ей в лицо. Если бы не цвет волос, то можно было легко обознаться.

Лейтенант вернулся в комиссариат и решил больше не тратить времени на пустяки. Однако, взгляд его, как прикованный, возвращался и возвращался к двойнику Шехерезады.

Он решил увидеть того, кого так терпеливо ждала незнакомка. Минуты через три к девушке направился молодой человек в кожаной куртке. Что-то знакомое сквозило в его походке. Когда молодые люди повернулись к комиссариату, лейтенант ахнул – юноша был точной его копией. Оправившись от шока, он увидел, что юная парочка удаляется и скоро потеряется в толпе.

Выбежав на улицу, он сел в машину и последовал за влюблёнными, временами останавливаясь, чтобы не перегнать их. Молодые люди беззаботно двигались вдоль тротуара, болтая и обнимаясь на ходу. Копия Шехерезады остановилась, присела на скамейку, сняла ролики. Юный красавец примостился рядом. Они долго разговаривали, прижавшись плечом к плечу, читали вместе какую-то книгу, смеялись, опять обнимались, целовались. Чувствовалось, что общаться они могут день и ночь - им это не надоест. Лейтенант уже устал ждать, но что-то не давало ему уехать. Он постоянно ловил себя на мысли, что

наблюдает за собой, сидящим на лавочке с Шехерезадой. Несколько раз его одолевали сомнения – он спрашивал, не сон ли это? Но тут же мелочи грубой действительности – запах бензина от проходящих автомобилей, пыль на стекле, разнообразный шум улицы- убеждали его, что всё происходящее совсем не сон.

Наконец, живые копии Шехерезады и лейтенанта поднялись со скамейки и отправились вдоль проспекта, явно имея в виду какую-то цель. Надвигались сумерки. Над горизонтом всплыл величавый огромный багровый диск луны.

Юная парочка направилась к студенческому общежитию. Лейтенант следовал за ними и остановил машину у того подъезда, куда вошли влюблённые. Он спешно покинул автомобиль и внутри здания двигался буквально по пятам за своими подопечными. Они завернули за угол коридора и пропали в комнате под номером «12».

Лейтенант почти бегом вылетел на улицу, обогнул здание и, вычислив окно комнаты номер «12», остановился напротив. Штора на окне была задвинута не до конца. Из-за неё виднелось большое зеркало. В нём лейтенант увидел Шехерезаду. Она стояла возле кровати

почти обнажённая - только прозрачная сорочка, прикрывая, не прикрывала её юное девическое тело.

Из глубин зеркала, словно факир, появился его собственный двойник. То, что произошло дальше, лейтенант не смог осознать—как в кино, он переместился в тело своей живой копии.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздыхнул и сладко потянулся. Он дома - в своей спальне, но один. Жены нет - может быть, вышла на кухню. Хотя...почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы - тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота...Ясно слышны тугие звуки бубна.

-Шехерезада...- приходит ленивая мысль.

Красочные ткани обвивают стройные ноги, то сливаясь в одно целое, то распадаясь на летучие лоскуты...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыв глаза, увидел то же каменное ущелье, только зной уже пошёл на убыль. Солнце садилось за кромку скал. Тело болело так, что казалось нельзя вынести и минуты. Невдалеке всё те же три столба и

привязанные к ним ребята из его части. Живые или нет? Понять невозможно. Он попробовал позвать одного из них по имени, хотел крикнуть: «Иван!» Но не услышал собственного голоса. Язык присох к гортани и не повиновался ему.

Если бы удалось освободить руки! Но об этом и мечтать не приходится – каждое движение вызывает такую боль, что сразу же темнеет в глазах и сознание норвит исчезнуть в глубинах этой невыносимой жгучей волны.

Лейтенант, словно сквозь сон, вспоминал, как вчетвером отправились они на войсковом УАЗике за почтой в ближайшее селение. Двигались проверенной сто раз дорогой, поэтому сильно не опасались. Отъехав километров десять вдоль реки Гильменд, решили искупаться – зной буквально выжигал всё живое. Солдаты спустились к воде, а он остался стеречь машину.

Назад ребята не вернулись через условленные пятнадцать минут. Он, подхватив автомат, двинулся вниз, но тут же почувствовал ствол, упёртый в спину. Их долго и зверски били. Казалось, отбили всё. Время от времени один из “духов” говорил на гортанном ломаном русском: «Примите ислам, станете нашими воинами. А нет – убьём как собак!»

Лейтенант изо всех сил пытался удержать ясность сознания, но мир снова закружился, сворачиваясь в бумажный рулон. Смеющийся образ Шехерезады возник из далёкой точки в пространстве и закрыл собою ущелье, ворон, живых или мёртвых ребят, привязанных к столбам, и краешек багряного солнца, скатывающийся за рваную кромку серых скал.

Картина пятая

Лейтенант прощался с женой дома. За ним должна была прибыть машина. Через час он откроет дверь, спустится по лестнице, махнёт рукой жене, стоящей на балконе, и исчезнет на целый год.

- Не переживай, - говорил он бодро, - не успеем оглянуться, как этот год пройдёт. За то меня уже больше не отправят в горячие точки, если сам не захочу. Войны там нет, мы едем только для поддержания порядка.

Лейтенант и сам верил тому, что говорил – у него не было другой информации. Потом в жестоких боях среди скал, где, казалось, и камень мог предательски выстрелить в спину, он не

раз вспоминал этот момент прощания. Каким наивным он был тогда!

Раздался протяжный сигнал – машина прибыла, пора! Он обнял, поцеловал жену, сказал, вдруг разом охрипнув: «Если без меня родится сын, назови Славиком. Если дочь...-он запнулся- именем моей мамы». И побежал вниз по лестнице, словно падая в пропасть.

На улице оглянулся. Жена стояла на балконе, маленькая, одинокая. Лейтенант крикнул: «Дочь назови Шехерезадой!» Машина тронулась, многоэтажка поплыла в сторону, исчезла из вида... Вот и всё!

На перроне он нашёл и офицеров и солдат первогодков, уже принявших присягу. Рядовые не знали, куда их направляют. Они должны прибыть в Новосибирск, а оттуда с военного аэродрома – к месту службы. В таком виде до них был доведён приказ.

Офицеры держались отдельной кучкой, шутили, смеялись, курили. Лейтенант тоже закурил. Случайный взгляд в сторону заставил его вздрогнуть. По перрону в обнимку с юношей, одетым в спортивный костюм, шла девушка, как две капли воды, похожая на Шехерезаду. Сходство было настолько сильным, что в

первый момент лейтенант чуть не бросился за нею вслед. Молодые люди быстро двигались вдоль перрона, явно намереваясь выйти на привокзальную площадь. Скоро он потеряет их из вида. Но юная парочка вдруг свернула налево и направилась к пятому соседнему купейному вагону. Тёплая волна радости захлестнула лейтенанта. Он и не ждал такого щедрого подарка напоследок. Девушка, так похожая на Шехерезаду, поедет с ним в одном поезде. Может быть, он найдёт её и сможет поговорить. Когда поезд тронулся, лейтенант сказал старшему, что в пятом вагоне находится его знакомая, и отправился на поиски Шехерезады. Он нашёл юную парочку в крайнем купе. Они сидели друг против друга вдвоём, ели мороженое и увлечённо болтали. Дверь купе была открыта. Лейтенант остановился в коридоре так, чтобы в настенном зеркале видеть лицо девушки.

Вот юноша пересел к ней, обнял её за плечи. Лейтенант оторопел – мальчик был его точной копией. Они сидели рядом, обнимались, целовались... Лейтенант, словно замороженный, наблюдал эту живую картину и не мог никуда уйти, не узнав... Чего? – спросил он себя. И не сумел ответить. Одно было

ясно – он не может уйти и всё! В какой-то момент лейтенант почувствовал, что дрогнуло пространство и как будто сдвинулось время. То, что произошло после, трудно было осознать. В мгновение ока он перенёсся в тело своей живой копии.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он дома- в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы - тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

-Шехерезада...-приходит ленивая мысль. Красочные ткани обвивают стройные ноги, то сливаясь в одно целое, то распадаясь на летучие лоскуты...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыв глаза, увидел то же каменное ущелье, только над рваной кромкой чёрных скал висел неправдоподобно огромный и яркий диск луны. Ночь поглотила зной, воздух остыл. Было даже холодно, как всегда в

горах, когда скроется солнце. Тело болело так, что казалось лучше умереть, только бы избавиться от этой колючей, жгучей выворачивающей все внутренности боли. Невдалеке всё те же три столба и привязанные к ним ребята из его части.

Двое из них пошевелились, подняли головы – значит, живы. Лейтенант хриплым шёпотом сказал: «Ребята, не соглашайтесь на ислам. Заставят убивать наших. Если слышите, кивните.» Оба рядовых кивнули. «Иван жив?»—из последних сил хрипел лейтенант. Парни покачали головами.

-Значит, отмучился, - отозвалось где-то в душе тихим эхом.

Помолчали. Собравшись с силами, лейтенант выдавил шёпотом: «Мужики, приказываю выжить!»

Он пытался удержать ясность сознания, но силы были израсходованы - мир снова закружился, сворачиваясь в серебристый рулон. Смеющийся образ Шехерезады возник из далёкой точки в пространстве и закрыл собою ущелье, залитое голубым светом луны.

Картина шестая

Ранним утром поезд подходил к Новосибирску. За окнами мелькали фонари, освещённые окна многоэтажек,

красные и зеленые сигнальные огни светофоров. Колёса стучали на стыках и железных узлах рельсов, то сливающихся, то разбегающихся в разные стороны в причудливом дорожном танце. Включилось радио, и вагон наполнила широкая красивая мелодия – болеро Равеля.

-Как по заказу, - подумал лейтенант.

Он вспомнил последнюю картинку из прошлой - теперь уже прошлой, вчерашней жизни: маленькая беззащитная фигурка жены на балконе...

Поезд резко затормозил и остановился. Раздалась команда – всем выстроиться на правой стороне привокзальной площади. Лейтенант торопливо пробрался вдоль вагона, спрыгнул на перрон. Он искал глазами Шехерезаду.

Вот она идёт к выходу в город. Рядом, конечно, её спутник – его собственный юный двойник. Сердце прыгало в груди так, что лейтенант боялся – вдруг проходящая мимо Шехерезада услышит этот жуткий гул. Но она проследовала мимо- в недра подземного перехода. Лейтенант шёл за ней, изо всех сил давил в себе желание- протянуть руку и погладить блестящие

волосы девушки. Через первый этаж вокзала они выбрались на площадь. Здесь уже толпились офицеры и рядовые, подтягиваясь к правой стороне, строясь в колонну. Лейтенант глазами следил за Шехерезадой, уходящей всё дальше и дальше от него – не мог, ну просто не мог оторвать взгляда от её гибкой фигурки в сиреновом брючном костюме. Его юный двойник обнял девушку за талию. И тут лейтенант, не понимая, как это произошло, переместился в его тело.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздыхнул и сладко потянулся. Он дома - в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы - тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

-Шехерезада...- приходит ленивая мысль...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыл глаза, увидел то же каменное ущелье. Солнце только-только высунулось на востоке из-за рваной

кромки скал. Серый джип с открытым верхом и пятнистой маскировкой на боках стоял неподалёку. На заднем сиденьи брошенные друг на друга, как вещи, лежали оба рядовых. Тело Ивана всё также было привязано к столбу.

-Примешь ислам, станешь воином, - услышал лейтенант знакомый хриплый голос, но сил хватило только на то, чтобы чуть приподнять голову. Это движение было истолковано как согласие.

-Кори! –крикнул афганец и заговорил на пушту. Его подчинённый, подойдя к столбу, стал развязывать верёвки. Это длилось так долго, словно вечность стояла за плечами тощего чёрного “духа”. Когда были развязаны последние узлы, стягивавшие руки, лейтенант на долю секунды понял, что такое настоящая боль. В следующий миг он снова потерял сознание. Образ Шехерезады возник из центра огромной белой розы, развернулся вместе с её лепестками, заполонил весь мир, благоухая и светясь.

Картина седьмая

На привокзальную площадь прибыли КАМАЗы с крытым верхом. Офицеры и рядовые расселись на скамейках внутри фургонов. Путь предстоял не длинный - военный аэродром

находился всего в восьмидесяти километрах от города.

Дорогой лейтенант смотрел на мелькающие мимо сосновые и берёзовые массивы, думал о Шехерезаде. Он помнил её с младшей группы детского сада. Ему казалось, он знал её всегда, может быть, ещё до своего рождения. И любил её всегда. В школе они сидели за одной партой все десять лет – красивая татарская девочка и русский мальчик. Засыпая дома, он видел во сне, как наяву, её любимые глаза. Все в школе привыкли, что они неразлучны. Разлука пришла после окончания десятого класса. Лейтенант поступил в Красноярское высшее военное училище, а Шехерезада провалила экзамены в Красноярский университет. Родители настояли на её возвращении в Бийск. Лейтенант и Шехерезада поклялись, что всё равно не расстанутся. Она приезжала в Красноярск, он - в Бийск на каникулы. В тот же год она поступила в Бийский пединститут. На четвертом курсе она стала такой ослепительной красавицей, что лейтенант и днём и ночью бредил, повторяя её имя. Конечно, они собирались пожениться.

Быть вместе, совсем вместе им пришлось только один раз. Всего полдня настоящего сияющего счастья.

Произошло это в их любимом городе Бийске. На следующий день лейтенант уехал сдавать выпускные экзамены. Больше им встретиться не довелось. Лейтенант вернулся в Бийск после распределения, чтобы забрать Шехерезаду с собой, но её уже не было. Она уехала тоже по распределению в казахский город Балхаш. Встретила его в аэропорту его теперешняя жена – Марина. Опустив глаза, тихо сказала: “Шехерезада не вернётся сюда - она вышла замуж. Её муж тоже педагог, и они уехали вместе”. Лейтенант не помнил, как пережил несколько часов до отлёта к месту назначения. Марина всё время была рядом и улетела вместе с ним. Его первым местом службы был таёжный посёлок на берегу Амура. Потом Марина с помощью своего отца (он работал во властных структурах) добилась, чтобы лейтенанта направили в Бийский гарнизон. Случилось это через два года разлуки с Шехерезадой. Как он выжил без неё, знал только он сам. Да ещё – Марина.

С военного аэродрома на большом сверхзвуковом транспортнике офицеры и рядовые отправились к месту исполнения интернационального долга. Через четыре часа лёта их высадили на небольшом военном аэродроме недалеко от

Кандагара. Многие были отправлены ещё дальше – на юго-восток, вдоль границы. Лейтенанта оставили в районе Кандагара.

Вечером того же дня лейтенант решил ознакомиться с обстановкой вокруг военного городка. На войсковом УАЗике с провожатым, старослужащим, он отправился осмотреться на местности. Скучная растительность, скалы, бедные сакли, лепившиеся к серым гранитам, голые дети, играющие в пыли – всё это поразило лейтенанта. Он даже попросил сопровождающего остановиться, вышел из машины и направился к одной полуразрушенной сакле. Навстречу ему из темноты жилища вышла женщина в чадре с откинутой вуалью. Она была смугла, но при первом же взгляде лейтенант увидел, как она похожа на Шехерезаду. Следом за ней появился молодой худой парень с горящими глазами, наверное, муж. Лейтенант снова поразился сходству, но теперь уже с самим собой. Это наваждение преследовало его и здесь – Шехерезада и его собственный двойник. Парень взял Шехерезаду за тонкое запястье и повёл внутрь землянки. Не осознавая, как это произошло, лейтенант в один миг переместился в тело своего двойника.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он дома - в своей спальне, но один. Жены нет - может быть, вышла на кухню. Хотя...почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы - тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

-Шехерезада...- приходит ленивая мысль. Красочные ткани обвивают стройные ноги, то сливаясь в одно целое, то распадаясь на летучие лоскуты...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыл глаза. Джип пробирался по каменистой дороге вдоль берега реки. Лейтенант не смог определить, где они находятся. Здесь ему не доводилось бывать. В джипе кроме него и “духов” никого не было. Наверное, ребят повезли в другое место. Серые скалы, громады мощных утёсов, тряская дорога, боль, пронизывающая тело, жажда- всё это навалилось на лейтенанта удушливой волной какой-то

нечеловеческой тоски. Он вдруг понял, почему собаки воют на луну.

-Куда меня везут?- подумалось ему. – Зачем я им нужен? Всё равно убьют рано или поздно. Скорее бы.

Он закрыл глаза, мир поплыл, скатываясь вправо и закручиваясь, словно бумажный рулон. Только яркий образ Шехерезады остался таким, как и был всегда в его сознании. Лейтенант улыбнулся своей любимой страшными чёрными разбитыми губами.

Картина восьмая

Лейтенант получил приказ – продвигаться всем подразделением вдоль реки Гильменд в направлении северо-востока. Затем – на широте Урузгана свернуть на восток. Там на первом перевале душманы захватили селение скотоводов, вырезали мужчин. На очереди – дети мужского пола. Группировка бандитов около пятидесяти человек - вооружены автоматами, гранатомётами, УЗИ. Передвигаются на джипах. Ведут себя нагло, отпора не ожидают.

Лейтенант решил добираться на перевал на “вездеходах” – так называли здесь наши “брезентухи” - другая техника не пройдёт, даже БТРы. Двинулись через

полчаса после получения приказа, загрузившись боеприпасами под самую завязку. В городке от всего взвода остались только трое – повар, дежурный и сторожевая собака.

Это был не первый для лейтенанта бой. За десять месяцев его военной жизни в Афгане в пятый раз шёл он навстречу врагу. Но снова, как всегда, что-то сжалось внутри – не то в сознании, не то в груди – как пружина стальная, заведённая до отказа. Он знал – самое страшное это ожидание. Время от приказа до начала боя – мёртвая зона. Когда начнётся бой, будет как ни странно, легче. Наверное, потому, что уйдёт ожидание смерти, некогда будет думать – нужно только действовать.

К захваченному селению подобрались ночью. Лейтенант считал, что это хорошо. Конечно, у “духов” выставлены посты, но всё-таки ночь есть ночь. В темноте легче подойти поближе, значит меньше будет потерь. Потери – такое странное слово. Потери – это убитые люди, его подчинённые, военные друзья, почти братья.

Абсолютно бесшумно взвод продвинулся вплотную к селению – сказывались постоянные тренировки. Лейтенант отдал приказ – стрелять только в

тех, у кого оружие. Шквал огня грянул, словно бешеная летняя гроза. Душманы быстро сориентировались – отвечали мощными залпами. Кто-то из них пытался бежать на джипах, но колёса по приказу лейтенанта уже были прострелены. При попытках завести мотор стрельба шла по бензиновым бакам. Пылали уже несколько машин.

Но вдруг с тыла началась прицельная стрельба – снайпер. Упал командир первого отделения Лозовой.

-Ранен? – крикнул лейтенант.

-В руку, - отозвался парень.

Лейтенант перетянул ему рану эластичным бинтом – всегда носил аптечку с собой, и пополз, обходя с тыла точку, откуда бил снайпер. Совершенно механически без участия сознания автомат лейтенанта нашёл цель – снайпер замолк. То там, то сям всё ещё раздавались автоматные очереди, что-то на своем языке кричали “духи” – небольшая группа, человек пять бандитов, всё-таки вырвалась и ушла в горы. Это был самый удачный бой – ни одного погибшего, хотя несколько ребят были ранены. Орден Боевого Красного Знамени лейтенанту вручили именно за эту операцию. Когда взвод в полном составе вернулся в городок, был настоящий

праздник – словно общий семейный День Рождения.

Лейтенант после этой вылазки, никому ничего не говоря, вышел за ворота и пешком направился к той сакле, где видел Шехерезаду. Он знал, что не сможет ей ничего рассказать – им не дадут поговорить. Может быть, она и не поймёт, зачем он пришёл, но это было выше его сил – ноги сами несли его к Шехерезаде.

Она сидела на низкой скамеечке и что-то стряпала. На этот раз на ней было шёлковое яркое сиреневое платье с орнаментами, бегущими по плечам. Блестящие волосы, забранные узлом, сияли на солнце. Она обернулась и улыбнулась своей ослепительной улыбкой. Лейтенант видел, чувствовал, что она узнала его. Узнала ли его, начиная с того мальчишки из детского сада, или только взрослого теперешнего? Какая разница – главное, она у з н а л а.

В дверях сакли появился её муж – живая копия лейтенанта, его двойник, его мусульманский близнец. Он снова, как и тогда, взял Шехерезаду за руку и повёл в дом. Лейтенант рванул за своей любимой, но тут в один миг, словно в кино, он переместился в тело своей живой копии.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздыхнул и сладко потянулся. Он дома - в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы – тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны тугие звуки бубна.

-Шехерезада, - приходит ленивая мысль.

Красочные ткани обвивают стройные ноги, то сливаясь в одно целое, то распадаясь на летучие лоскуты...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыв глаза, увидел каменное ущелье. Притулившись к скалам, там и сям стояли низкие постройки, напоминающие казармы. Это был военный лагерь “духов”. К машине приблизился высокопоставленный чин - всё указывало на его особое положение: богатая одежда с украшениями, оружие с инкрустацией, важная походка.

Он как на дикого зверя уставился на лейтенанта. Потом сказал на сносном русском:

-Будешь поваром и оружейником. Бежать некуда – кругом скалы на пятьсот вёрст. Искать тебя не будут. Ваши уже отправили твой гроб в Россию. В нём казнённый русский. Мы изрезали его на куски, он пытался бежать. Хочешь жить, работай. Побежишь – казним и тебя.

Душман отвернулся равнодушно и медленно поплыл прочь. Лейтенант, сжавшись в комок, осмысливал только что сказанное. Значит, его уже похоронили. Для Марины, для матери и отца - он мёртв. Для его дочери, маленькой Шахини–тоже. И только для Шехерезады он всё ещё жив. Она, конечно, ничего не знает в своем далёком Балхаше. Но лейтенант был уверен – даже если Шехерезада узнает, всё равно не поверит.

Значит - вечный плен и вечное рабство? Неужели так? Он был уверен, что сможет бежать. Он должен увидеть свою дочь и Шехерезаду. Вот немного отойдёт от побоев и издевательств, и уйдёт в горы. Лучше смерть от голода на воле, чем медленное угасание в рабстве.

Самое обидное – это то, как он попал в плен. Двумя днями раньше мог уже улететь домой–срок службы закончился, но его друг, лейтенант Сергеев, уехал на трое суток в Кандагар

по вызову начальства, поэтому пришлось остаться.

Он сразу позвонил Марине и сообщил, что задержится, но только на три дня. «До скорой встречи! – сказал он жене. Она как-то трудно вздохнула, будто знала, что встречи не будет. И всё это - лишь из-за почты. Так хотелось привезти ребятам письма из дома.

Сзади неслышно приблизился один из “духов”, что-то крикнул на пушту и ударил лейтенанта прикладом автомата. Боль нахлынула резкой волной, потемнело в глазах. Мир поплыл и закружился, сворачиваясь в бумажный рулон. Глаза и улыбка Шехерезады заполнили мрачное серое ущелье.

Картина девятая

Раны от зверских побоев постепенно затянулись. Но синяки не проходили – доброхоты постоянно добавляли новых. Били, чем попало – тем, что было в руках.

Били за всё – за то, что не понимал их языка; за то, что пытался отвечать, когда кричали на него; за то, что волей не волей приходилось тратить на раба пищу; за то, что нужно было поить его водой...

Спать давали очень мало. Постелью служила каменная яма. Каждый считал своим долгом плюнуть в его сторону, пнуть при случае побольнее. Он был прокажённым– неверным, которому уготована только медленная смерть. И это не смотря на то, что он варил им пищу, мыл посуду, стирал их одежду, приводил в порядок оружие.

Лейтенант внешне никак не реагировал на издевательства. За год жизни среди чужого народа, когда в любой миг могут выстрелить в спину, он привык быть готовым ко всему.

Лейтенант понимал, что быстро одичает. Необходимо было бежать. Бежать, не смотря ни на что. Горы могут убить его, но могут дать шанс на жизнь. Пока о побеге нечего и мечтать – надо ждать, когда “духи” отправятся на масштабную вылазку. В лагере останутся только дежурные, и этот момент он обязан использовать по полной программе. Любым путём нужно узнать, где находится лагерь, как называется ущелье, чтобы сообразить, в каком направлении двигаться при побеге.

Несколько раз ему удалось услышать слово Дарвешан. Один из “духов” при разговоре постоянно указывал рукой на восток. Лейтенант

понял, что город находится именно там. В Дарвешане действует официальная власть, нужно будет добираться туда. Если река, на которой стоит лагерь, это Гильменд, то до города примерно шестьдесят-семьдесят километров. Но по горам путь в два раза длиннее.

Лейтенант понимал, что идти предстоит через горную пустыню, что у него не будет пищи, воды и одежды. Смерть пойдёт за ним по пятам. Наверное, не избежать и погони. Он был готов на всё. Только бы скорее!

Через пятеро суток “духи” вечером двинулись из лагеря. Когда затих звук моторов, лейтенант находился в оружейном бараке – разбирал и чистил автоматы. Барак, похожий на тюремную камеру, имел только одно уязвимое место - окно, расположенное под самым потолком на высоте примерно трёх метров, затянутое прозрачной плёнкой. Выходило оно на восток – там обрыв. Насколько он крут, и есть ли шанс остаться в живых, если выбраться через окно, лейтенант не знал. Но это был единственный путь на волю.

Лейтенант привалил несколько автоматов к стене. Они образовали подобие опоры. Один автомат он взял за ствол. С разбега поднялся по наклонному

нагромождению и забросил ремень автомата за выступ на каменном подоконнике. Подёргал за ствол – крепление выдержало нагрузку. И вот он уже оседлал подоконник и заглянул вниз.

Обрыв был почти отвесным. Только далеко внизу маячили заросли какого-то кустарника. Они образовали нечто, напоминавшее объёмную сеть, живую террасу. Лейтенант решил спускаться. Развернув ремень, он зацепил его так, что автомат оказался висящим уже снаружи. Ухватившись за эту ненадёжную опору, лейтенант сполз вдоль стены барака, коснулся ногами каменистой поверхности.

Собравшись с силами, отпустил ствол и быстро заскользил вдоль почти отвесной скалы. Ему удавалось временами цепляться за каменные выступы, а потом началась осыпь, и лейтенант, ударившись о щебень, уже сползал вниз вместе с каменной массой вплоть до кустарников. Страшными усилиями удерживал сознание до тех пор, пока не остановилось скольжение по осыпи.

Увидев над головой закатные краски неба, лейтенант отключился. Мир уже привычно свернулся бумажным рулоном. Живой образ Шехерезады возник из глубин пространства и заслонил

собою каменное ущелье. На этот раз его собственный двойник не появился. Вместо него рядом с Шехерезадой оказался лейтенант.

Впервые за всё время разлуки он сам видит её. Красочные ткани обвивают стройные ноги, то сливаясь в одно целое, то распадаясь на летучие лоскуты...

Лейтенант открыл глаза, увидел ночное небо. Фантастически огромные южные звёзды мерцали в бархате тьмы. Он по-прежнему лежал на холодном щебне перед террасой из кустарника. Сколько времени прошло с тех пор, как он потерял сознание, неизвестно. Скорее всего, около часа. Здесь темнеет быстро после захода солнца. Наверху, в лагере, не было слышно ни звука. Может быть, дежурный до сих пор не знает о побеге. Лейтенант встал и двинулся вдоль полосы кустарников, ища проход вниз—ко дну ущелья.

Спускался долго, скользя и падая на каменные плиты. Но вот спуск закончился. Он остановился в раздумьи. Прикинул, что ждёт его, если двигаться по ущелью. Этим путём скорее всего пойдёт погоня.

Решил подниматься во что бы то ни стало по противоположному склону.

Во-первых, за каменными уступами в случае надобности легко укрыться. Во-вторых, нужно выиграть время. Пока погоня рыщет по дну ущелья, можно успеть подняться на вершину. При таком раскладе шансов уйти от “духов” намного больше.

Картина десятая

Лейтенант карабкался всё вверх и вверх, прилипая к скалам как ящерица. Когда воздух уже не хотел питать надсаженные немислимыми усилиями лёгкие, и лейтенант начинал задыхаться, приходилось останавливаться и отдыхать, почти висая на каменных громадах.

Онемевшие руки и ноги, избитое о камни тело протестовали против любого малого движения, но сознание гнало его вверх – к вершине. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем лейтенант достиг своей цели. Там, на плоском горном перевале, он понял, какое это блаженство—просто лечь на спину и лежать, раскинув руки и закрыв глаза.

Через пять минут лейтенант встал и двинулся по горному плато, которое изогнувшись, словно дракон, устремилось именно на восток, в сторону далёкого Дарвешана. Питть хотелось так, что он не мог думать ни о чём другом. Временами

казалось, что откуда-то доносится гул реки. Лейтенант знал, что его путь лежит по безводной горной пустыне, но всё-таки каждый раз, слыша воображаемый рокот вод, он начинал оглядываться, ища глазами реку.

Забрезжило утро. Двигаться дальше при свете дня было опасно. Лейтенант добрался до нагромождения скальных пород, забрался в узкую щель, прикрытую сверху каким-то полусухим кустарником. Не смотря на жажду, терзавшую его всё сильнее, он всё-таки через несколько минут уснул.

Лейтенант увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он дома- в своей спальне, но один. Жены нет- может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы - тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

-Шехерезада...- приходит ленивая мысль...

Лейтенант проснулся оттого, что солнце достало его своими

безжалостными лучами. Губы обметали горячка и жажда – лейтенант не мог открыть рта. Тело затекло от неудобной позы.

Солнце стояло в зените и немилосердно жгло. Казалось, кто-то шутики ради сфокусировал через лупу его лучи именно на том месте, где прятался в каменной щели лейтенант. Даже нагромождение сухого кустарника над головой не спасало – тени почти не было.

Лейтенант смотрел в бездонный сияющий провал неба и наблюдал, как высоко-высоко парит, раскинув крылья, едва видимый в синеве коршун. Его чёрный силуэт выписывал круги, постепенно приближаясь к центру – видимо, внизу, на земле была обнаружена добыча. Птица терпеливо и плавно кружила над ней, выжидая удобной минуты. Вот коршун почти вертикально упал и скрылся за каменными громадами скал.

Лейтенант закрыл глаза. Он потерял много сил, и сейчас ему трудно было даже просто смотреть в небо. Солнце проникало и сквозь закрытые веки – чистое алое зарево стояло перед глазами. Но через некоторое время алый цвет ушёл и засиял золотой, переливающийся бело-серебряными бликами. Раскалённый

воздух, казалось, извлекал последние остатки влаги из лёгких, каждый вдох и выдох давались с трудом.

Жажда, перейдя свой апогей, как бы перестала ощущаться, и лейтенант забыл о ней. Он понимал, что к вечеру может не выдержать зноя. Впасть в бредовое состояние не хотелось, да и не имел он права на это – вдруг во время бреда выдаст себя неосторожным звуком или движением. А вдруг погоня уже идёт по пятам, и афганская овчарка уже вышла на след. Лейтенант всё-таки не заметил, как снова уснул, а может быть, улетел в провал угасающего сознания.

Картина одиннадцатая

Лейтенант совершенно отчётливо видел, как идёт по извилистой тропинке к бедной сакле, прилепившейся к серой громаде скалы. Из тёмного провала двери выходит ослепительная Шехерезада. Она одета в платье, похожее на индийское сари и украшенное драгоценными жемчугами, бриллиантами, самоцветами. Платье сверкает всеми цветами радуги. Сияют и огромные глаза Шехерезады. Её улыбка, словно магнит, притягивает лейтенанта, и он идёт к ней. Нет, он летит, а рядом с ним в хрустальном просторе неба -

Шехерезада. Они долго плавают среди облаков, как невесомые пушинки, не чувствуя притяжения земли, держась за руки, словно дети.

-Шехереза-да-а-а-а...-кричит лейтенант, - я люблю тебя!

-Д-а-а-а...- откликается далёкое звонкое эхо.

Лейтенант знает, что ни одной секунды, даже доли секунды не сможет прожить вдали от этой, такой родной и такой печальной улыбки. Он будет смотреть на Шехерезаду всю жизнь, и всё равно не насмотрится.

Нет, они не расстались, разъехавшись в разные стороны. Лейтенант знал всей кожей, сердцем, душой, что Шехерезада чувствует то же самое. Только сейчас, летая с нею среди белых облаков, он понял, что сделал всё не так. Он должен был поехать в тот далёкий город Балхаш и увезти её от кого бы то ни было, потому что кроме них двоих не могло быть никого третьего. Почему он так ошибся? Почему?

Лейтенант очнулся, когда солнце лишь ярко малиновым краешком выглядывало из-за скал. Зной ушёл, и дышать стало легче. Только очень болели запекшиеся и потрескавшиеся губы. В каком-то отчаянном восторге наблюдал

он, как раскалённый кусок светила медленно погружался в тёмные каменные массы гор. Казалось, Чёрный Дракон, глотает драгоценный самоцвет и рубиновый свет пока ещё вырывается из его бездонной глотки, но уже безнадежно уходит в просторы жадного чрева и вот-вот исчезнет навсегда.

Яркий рубиновый блик магически притягивал взор лейтенанта. Он с сожалением пытался глазами удержать этот живой кусочек, этот маленький остаток дня. Впереди ночь. Что-то она принесёт?

Лейтенант рискнул выбраться из каменной щели, когда уже совсем стемнело. Странно, но ему не хотелось покидать своё неудобное убежище, которое всё же сохранило целый день жизни.

Растерев занемевшие руки и ноги, лейтенант двинулся в путь. Перед ним раскинулась фантастическая сумрачная панорама - острые рваные вершины скалистых гор сверкали, словно антрацит, отражая свет ярких огромных южных звезд. Справа и слева от узкого плато, по которому уходил на восток лейтенант, зияли чёрные провалы горных ущелий. Стараясь шагать как можно быстрее, лейтенант не забывал прислушиваться к

звукам, иногда доносившимся из бесконечности неведомого и враждебного пространства.

Особенно его внутренний слуховой сторож улавливал звуки, несущиеся сзади–оттуда более всего можно было ожидать опасности. Хотя не исключалось, что погоня может оказаться и впереди – “духи” знали все горные тропы и могли выйти наперехват, чтобы отрезать ему путь на Дарвешан.

Организм как-то уже свыкся с тем, что влага уходит из клеток и, видимо, включил механизмы компенсации - лейтенант, подобно верблюду, шел через пустынные горы, забыв о жажде. Он слился с окружающим ландшафтом, превратился в его часть, почти стал диким существом, чувствующим малейшие изменения, витающие в ночном воздухе. Время от времени он снова слышал невероятно реальный гул несуществующей реки. Вода неслась поверх гладких валунов, огибала самые большие из них и пела волшебную песню живых струй. Казалось, совсем рядом–недалеко внизу–гудит быстрая горная река. И этот многоголосый гул звал, приглашал спуститься вниз, уйти с пустынной, выжженной солнцем гривы.

Лейтенант двигался дальше лишь усилием воли он знал, что здесь нет реки. Водные потоки несутся по ущельям только во время проливных дождей. Чтобы преодолеть наваждение, лейтенант останавливался, прислушивался с чуткостью волка к безднам пространства и убеждался, что гул реки - это слуховой мираж. Может быть, он возникал из шума крови, напряжённо гонимой сердцем по тесным артериям и венам. Может быть, этот мираж рисовал мозг, требующий воды для страдающих от жажды клеток.

Далёкое и тоже призрачное эхо, хранящее шелест имени «Шехерезада», лишь оно одно звало лейтенанта вперёд. И он шёл по горной пустыне, бросая своё тело с каждым шагом туда, где за скалистыми вершинами прятался Дарвешан - его надежда на спасение. Несколько раз стаи пещерных летучих мышей пикировали прямо на него, но убедившись, что добыча им не по зубам, отлетали прочь.

Наконец, движение приобрело характер автоматизма, и лейтенант шёл и шёл, как заведённая машина, уже не обращая внимания на призрачные образы, лишь продолжая чутко слушать пространство. Он не заметил, как забрезжил рассвет. Мрак ночи уступил

место серому сумраку, панорама гор раздвинулась, горизонты ушли вдаль.

Каменистое плато, круто развернувшись, ушло на юг. Лейтенант знал, что хребет в этом месте образует почти петлю. Это удлиняло путь, но попытка сократить его, требовала спуска по обрывистому бесконечному склону и такого же непредсказуемо опасного подъёма по скалистым выходам гранитов. Лейтенант решил не делать этого.

Сейчас необходимо было снова найти убежище на день, отдохнуть и поспать по возможности. Он осмотрелся, выбрал узкое, закрытое колючими кустарниками, углубление в скалах и, продираясь сквозь завесу игольчатых ветвей, забрался внутрь этой маленькой пещеры. Сегодня солнце не достанет его даже в полдень. Может быть, удастся хорошо выспаться.

Картина двенадцатая

Не смотря на тяжёлую, какую-то нечеловеческую усталость, уснуть сразу лейтенанту не удалось. Загустевшая кровь напряжённо пульсировала в висках. В ушах как будто бился механический звук работающего мотора. И только через некоторое время этот металлический звук

превратился в тонкий серебряный звон, и лейтенант уснул, улыбаясь детской счастливой улыбкой.

Во сне он снова летал вдвоём с Шехерезадой среди жемчужных невесомых облаков. На одно из них они уселись, словно на лавочку и сидели, болтая ногами, глядя вниз на далёкую зелёную весеннюю землю. Взявшись за руки, они смотрели в глаза друг другу, сливаясь в единое целое в этом взгляде. И новое единое счастливое существо, превратившись в Ангела, со скоростью света летело в глубины космоса среди сияющих звёзд и разноцветных планет.

Космос-царство безмолвия, но для Ангела, глазами которого на мир смотрели сразу два человека, космос звучал как серебряный орган. Объёмный гул медленно вращающихся огромных светящихся дисков, спиралей - звёздных галактик, пение летучих комет, голоса странствующих метеоритов и серебряные трубы других Ангелов - всё это сливалось, звучало волшебной мелодией

Но вдруг на крутом повороте возле красивой цветной планеты Ангел вновь разъединился, породив два существа. И лейтенант увидел на фоне летучих светил Шехерезаду – Ангела. Она держала в руках прямоугольный белый

кусочек шёлка. На нём сияла надпись большими арабскими буквами. Шехерезада махала лейтенанту рукой и указывала на эту надпись.

Лейтенант понял, что необходимо прочитать сияющую вязь слов, но он не знал арабского языка. Он понял значение этой минуты: если прочтёт - выживет, выберется из гор, встретится с Шехерезадой. Если не сможет...

Вглядываясь до слёз в четыре светящихся живым сиреневым огнём строки, лейтенант пытался усилием воли открыть глубинные кладовые памяти, где наверняка прятались знания арабского языка. Но память не откликалась, не реагировала на его зов. И надпись на белом шёлке молчала. Шехерезада – Ангел стала медленно отдаляться от лейтенанта. Сиреневые мерцающие буквы, уменьшаясь в размерах, постепенно сливались в яркое пятно.

Лейтенант всей душой рвался вслед за Ангелом, но не мог сдвинуться с места – его притягивала планета, рядом с которой он висел в бархате тьмы, похожий на прищипленного мотылька. Он оглянулся на жестокую планету, разлучающую его с Любимой, и узнал её – это была Земля. За это мгновение Шехерезада растворилась среди сонма

звёзд и навсегда унесла с собой волшебную надпись.

Лейтенант проснулся и услышал далёкий лай собаки. Что значит этот лай, он осознал несколькими секундами позднее - образ удаляющейся Шехерезады всё ещё стоял перед глазами. Чувство страшной невозвратной потери переполняло сердце и заставляло его стучать в бешеном ритме. Но сознание уже подсказало – вольная жизнь для лейтенанта закончилась, может быть, навсегда.

Лай приближался. Лейтенант, быстро выбрался из своего убежища и бросился вниз по склону. Почти отвесные скалы не обещали благополучного спуска, но другого пути уже не было. Скользя и падая, хватаясь ногтями за острые каменные выступы, лейтенант не спускался, а почти летел навстречу верной смерти. Любая промашка - и на дно ущелья свалится груда костей. Сколько времени продолжалось это кувыркание вдоль вертикальной каменной стены, лейтенант не знал. Когда он оказался внизу, руки его и лицо превратились в кровавое месиво. Всё тело было избито, изодрано, но боли он не чувствовал. И всё-таки, очутившись внизу, потерял сознание. Очнувшись через минуту,

открыл глаза и увидел стоящего над ним “духа”.

Удар прикладом автомата по голове – и снова тьма беспомощности.

Часть вторая. РАБСТВО.

*****

Снова в яме.

Лейтенант очнулся на дне всё той же каменной ямы в лагере душманов. Над головой горели яркие ночные светила. Шелест и стрекотание насекомых, их суеда в темноте - всё это повторилось, как в страшном сне. Но любой сон кончается, а то, что ждало лейтенанта, могло закончиться теперь только после его смерти. Других вариантов скорее всего не будет.

Утро откроет свои огненные глаза, и придёт палач. Третьи сутки без воды и еды, третьи сутки жутких усилий на пути к смерти - должен же прийти конец этой муке. Лейтенант попытался встать. Невыносимая боль в руках и ногах, во всём теле швырнула его обратно на каменное дно. Виски и затылок словно сверлили, рвали острой дрелью. Лейтенант равнодушно подумал, что всё-таки странно, почему он до сих пор жив.

Трое суток без воды и еды в каменном ущелье на солнцепёке, на привязи у столба, после зверского избиения, потом несколько дней изнурительного труда в лагере, побег, спуск-падение по каменному склону... Лейтенант давно уже должен был погибнуть, но по странному стечению обстоятельств всё ещё жив. Хотя жизни в его теле осталось совсем мало.

Только Шехерезада, только она держала его в этом мире, не давая уйти. Он это знал и даже сейчас верил, что ещё встретится с ней.

Что-то тяжелое и жёсткое легло на ноги лейтенанту. Он понял только, что это живая тварь. Когда она пошевелилась, стало ясно - змея. В темноте он не мог рассмотреть, какой она породы – ядовитая или нет. Скорее всего, кобра – их тут много, встречаются на каждом шагу. Лейтенант никак не отреагировал на новое соседство. Если не двигаться, есть шанс, что змея его не тронет. Но внутренне он был согласен и на другой вариант. Может быть, это бог посылает ему избавление от мук. Змея проползла по ногам, животу лейтенанта, добралась до лица, остановилась, словно прислушиваясь к тому, что творится у него внутри. Равнодушие и

отстранённость сознания передавались и каждой клеточке организма. Змея чутко уловила этот ровный настрой, сползла с плеча лейтенанта, прошуршала по каменным уступам ямы и ушла в ночь.

Лейтенант мысленно проследовал за ней и даже пожалел, что всё так быстро закончилось. Он не использовал шанс, данный богом. Значит, утром ему предстоит казнь. Он должен собраться с силами, чтобы суметь прожить эти несколько часов.

И вспомнился лейтенанту родной город Бийск, его улицы, переулочки, немудрёное и счастливое детство. Маленькая деревянная двадцатая школа, где он учился в одном классе с Шехерезадой... Десять лет счастья! Он тогда, конечно же, не понимал этого - просто жил, просто учился, любил Шехерезаду, даже не думая о том, что когда-то её не будет в его жизни.

Учился он хорошо, но когда зацветали черёмуха и сирень, когда весна сводила с ума всё живое, забывал об уроках, экзаменах, не слушал учителей. Восторг жизни захлёстывал его, и школа уходила куда-то на дальний план. В классном журнале появлялись двойки. Родителей вызывала в школу Нина Петровна—строгая классная дама. Отец

дома проводил воспитательные беседы, мать ругалась и даже бралась за ремень.

Милые старики! Они теперь уже получили страшный в своей безнадёжности груз-200. Мать оплакала своего непослушного сыночка, который снова, в тысячный раз ушёл из дома, не спросив разрешения матери. Ушёл, и так получилось, что навсегда.

Вспомнил лейтенант своих пацанов, с которыми играл сначала в войну, потом - в футбол, волейбол, ходил в секцию самбо.

Когда подросли, все поголовно увлеклись штангой. Тогда уже вошли в моду дискотеки, и пацаны толпой ходили завлекать девчонок. Лейтенант же всегда искал глазами Шехерезаду, другие просто не существовали для него. Вспомнились почему-то лейтенанту высокие мальвы под окном дома, где его родители получили квартиру в новой девятиэтажке. Он всегда, выходя из подъезда, останавливался возле больших ярко-розовых и тёмно-бордовых кустов, рассматривал толстые резные лепестки, гладил их руками. Цветы пахли тонко и дико, словно росли не на газоне в городе, а в раздольной степи.

Ещё нравились ему маленькие ярко-малиновые цветочки на выющихся

стеблях, ютившиеся у подножия высоких мальв. Их сложное строение, живой цвет и аромат, плотно сложенные лепестки удивляли и несли какую-то загадку - казалось, неизвестный гениальный художник создал их специально для того, чтобы люди задумались над красотой и непостижимостью живой природы. Однажды он рискнул заглянуть внутрь маленького волшебного цветка, но лепестки оторвались, просыпались на землю рубиновыми чешуйками, и загадка исчезла. Больше никогда он не срывал драгоценных маленьких бутонов, лишь смотрел на них, радуясь сердцем.

Как всё это далеко—другая волшебная реальность, в которой лейтенанту уже нет места. Он заметил, что мрак ночи сменился рассветной мглой, звёзды в небе поблекли. Скоро за ним уже придут.

Лейтенант представил себе город Балхаш на берегу большого и спокойного озера— светлые высотные постройки, дома пониже, трубы заводов, лёгкие облака в рассветном небе... Где-то там, в одном из этих далёких домов, сейчас проснулась Шехерезада.

-Здравствуй, любимая!— беззвучно произнёс лейтенант, не размыкая разбитых непослушных губ.

Казнь.

Его выволокли из ямы за верёвки, привязанные к ногам, протащили по каменным плитам в центре лагеря. Там уже стояла разношерстная толпа вооружённых душманов. На первый план выдвинулся всё тот же важный, отстранённо гордый военачальник в халате, расшитом серебряным и золотым бисером, увешанный оружием. Его белая чалма в рассветных лучах солнца окрасилась в розовый цвет.

-Ты нарушил правила. Ты – неблагодарная собака. Тебя кормили и поили, дали работу. Ты сбежал. Будешь сидеть на цепи. Больше не сбежишь– тебе отпилят ногу, - сказал он по–русски равнодушно и отрывисто.

И тут лейтенант увидел палача. Это был худой душман, одетый в серую короткую безрукавку поверх белой рубахи. Из-под грязной чалмы смотрели весёлые, безжалостные глаза. Он приближался к лейтенанту, держа в правой руке обыкновенную ножовку.

Второй душман, низко наклонившись и суетясь, дыша в лицо лейтенанту нечистым дыханием, связал его, как барана перед закланием.

Словно в дурном сне, лейтенант увидел, как брызнула из-под пилы кровь, показалась сначала белая, потом окрасившаяся алым, кость. Он, казалось, даже не почувствовал боли – сознание отключилось так быстро, что его собственный крик не был услышан ухом.

Братья по несчастью

Лейтенант очнулся, слева увидел облупленную стену каменного барака, справа на небольшом отдалении - резко пахнущую помойку. Он долго не мог понять, где находится. Наконец, сообразил, что барак- это кухня в лагере “духов”. Толстая цепь, укреплённая в кольце на каменной стене, длиной около метра - это его поводок, как у собаки. Цепь держит лейтенанта за правую ногу.

Левой ноги ниже колена не было. Вместо неё - кувалда, обмотанная грязными тряпками. Тяжёлая тоска страшным грузом навалилась, как медведь. Душа завывала, заплакала беззвучно и невидимо. Колочий вопрос выплыл из глубин сознания - как и зачем он выжил? Лучше смерть, чем жизнь инвалида, цепь и рабство. Но невозможным фантастическим светом сознание нарисовало образ улыбающейся

юной девушки. Из глубин далёких и недостижимых теперь пространств прошелестело милое имя – Шехерезада.

Открылась дверь кухни, оттуда вывалился человек в лохмотьях, несущий ведро помоев. Взглянув в сторону лейтенанта, он остановился, оглянулся назад – на кухонный барак, поставив ведро, приблизился к лейтенанту.

-Я русский... пленный, - шепотом сказал он. –Ты пролежал здесь месяц. Я думал, что умрёшь – температура, бред, потеря крови, инфекция. Но ты –молодец. Я поил тебя и даже кормил. Они это разрешили. Теперь нас двое. Мы всё равно уйдём отсюда. Сейчас принесу тебе пить и есть.

С быстротой и ловкостью дикого зверя, парень подхватил ведро, вылил помои и исчез за дверью барака. Через пять минут он появился снова, неся воду в кувшинчике и кусок лепёшки.

-Делай вид пока, что ты без сознания. Несколько дней подкормишься. Потом придётся сказать, что ты очнулся. Наверное, заставят делать какую-то работу. Я пошёл.

И парень исчез в недрах кухонного строения. Лейтенант выпил воду, отломил маленький кусочек лепёшки, медленно разжевал его. Больше

нельзя - будет плохо после голодания. Закрыв глаза, лейтенант как будто провалился в небытие – это был сон оживающего организма, сон от слабости и в то же время - врачующий истощённые клетки. Парень - повар через несколько минут выскочил из барака, забрал кувшин, остаток лепёшки и, молча, исчез.

Так прошло пять дней. За это время лейтенант узнал, что парня зовут Виктор, что они земляки – родом он из Новосибирска. Виктор рассказал, как он глупо попал в плен - отошёл за скалы по нужде. “Духи” словно ждали его в этом месте. Связали, затащили в пещеры, долго вели по каким-то каменным лабиринтам. Потом вышли наружу, везли его на лошадях двое суток, и так он оказался здесь.

Для начала его избивали целую неделю, заставляли принять ислам. Когда согласился, отправили работать на кухне. Показали расправу с лейтенантом. Предупредили, что с ним будет то же, если побежит. На шестой день Виктор сообщил “духам” о лейтенанте. Тут же явился худой чернокожий душман и сказал: «Оружейный барак... Ты знаешь эту работу. Будешь на цепи». Лейтенанта заставили ползти вместе с громоздкой цепью до оружейного барака. Там его

приковали к стене, и он вернулся к своему
прежнему занятию.

Узник оружейного барака

Каждый день с раннего утра и до
поздней ночи лейтенант, стоя на одной
ноге возле верстака, разбирал, чистил,
смазывал, снова собирал, ремонтировал
автоматы, ружья, пистолеты, гранатомёты
- чего только не было в арсенале
пуштурмов. Часто они привозили богатые
трофеи – работы не убавлялось. Эта
вечная мясорубка Афгана, требовала
пушечного мяса и новых и новых орудий
убийства.

Однажды “духи” привезли
крупную партию мин. Всё тот же важный
военачальник Аманулла приказал
лейтенанту осмотреть мины, установить
их пригодность и обдумать, как лучше
заминировать дорогу на Дарвешан.
Лейтенант сразу же сказал - если не будет
подробной карты, работа скорее всего не
даст результата. Трое суток душманы
совещались. Вечером третьего дня
лейтенанту принесли карту. Он попросил
несколько часов на составление плана.

-Через сутки объяснишь мне, где
и как решил установить мины.
Объяснишь, почему именно так, - заявил

Аманулла. - Не вздумай врать мне. Я быстро найду тебе замену.

Наконец, лейтенант остался наедине с картой. Этот клочок цветной бумаги был для него волшебным билетом в другой мир. Зная расположение горных отрогов, их высоты, направления возможных проходов через скалистые массивы, отмеченные на карте, лейтенант приобретал новый шанс на побег и надежду добраться в Дарвешан. Он не думал о том, как придётся ему передвигаться в каменных ущельях или через громады скальных перевалов. Он не думал о том, что теперь он инвалид. Лейтенант знал – будет ползти, катиться по камням, передвигаться с помощью рук, зубов – и так до тех пор, пока не исчезнет шанс хоть на метр приблизиться к свободе.

Изучая карту, лейтенант обдумывал то, что станет предлагать “духам”. Нужна достоверность, иначе провалится его план побега. На Дарвешан есть три дороги—это пути передвижения кочевников - пастухов. Один из них пригоден для проезда на автомашинах. Надо убедить Аманулла в том, что первым необходимо минировать именно этот путь. Делать работу тайно—в сумерках. Ночью опасно – можно

подорваться во время установки мин. Затем, не скрываясь, минировать два оставшихся прохода. Противник решит, что свободным от мин остался тот, первый путь, и начнёт движение именно по нему.

Лейтенант ещё и ещё продумывал разные варианты, но всё-таки вернулся к тому, с чего начал. Он много раз прокрутил в уме все детали того, что будет говорить, сжился с этим планом, сроднился с ним. Это необходимо, иначе его речь будет звучать неубедительно для душманов. Наконец, лейтенант понял, что готов к любому разговору с вельможным Амануллой.

Выезд на перевал

Через сутки вечером, когда солнце скрылось за кромкой гор, трое “духов” и лейтенант на лошадях отправились на перевал, где проходила дорога на Дарвешан. Их путь лежал к самому узкому месту на этой тропе, где слева вверх взмывали неприступные скалы, а справа зияла каменная пропасть. Дорога здесь круто изгибалась, убегая налево и скрываясь за кромками скальных громад.

Ехали довольно долго, стараясь не шуметь, скрываясь за кустарниками, лавируя между каменными нагромождениями, чтобы подобраться к нужному месту сбоку. Двигаться по тропе нельзя - могут заметить наблюдатели противника. “Духи” спешили, сняли груз с лошадей, распаковали мины. Один из них поочерёдно перенёс мины, пока без взрывателей, на тропу, разложил в шахматном порядке, как велел лейтенант.

Сапёрной лопаткой стали рыть углубления для мин, стараясь попадать между камней, где причудливыми пятнами серым цветом выделялась песчаная почва. Когда тропа превратилась в подобие широкой грядки, на которой выступающие булыжники чередовались с песчаными ямками, лейтенант приказал всем отойти как можно дальше, потому что теперь пришла его очередь поработать.

Укладывать мины начал с ближнего края. Делать это приходилось стоя на правом колене, опираясь на остаток второй ноги... Уложив первый ряд и установив взрыватели, лейтенант отступил на уровень следующего ряда. Медленно и плавно опуская мину в выкопанную лунку, лейтенант ждал окрика.

Он боялся, что душманы раньше времени поймут его замысел. Но те стояли кучкой, о чём-то тихо разговаривали на пушту. Один из них держал лейтенанта на прицеле. Уже почти стемнело.

При укладке мин в четвёртый ряд, лейтенант уже оказался на самом крутом месте поворота. Ещё два ряда, и он почти скроется за каменными выступами. Неужели повезёт? Наступающая тьма в случае удачи поможет ему. Но, кажется, сопровождающие уже забеспокоились, кричат что-то. Он приподнялся, помахал рукой, успокаивающе ответил: «Всё в порядке». Это не помогло – они продолжали кричать и показывали жестами, что ему нужно вернуться.

Лейтенант, стараясь сохранить спокойную интонацию, отвечал и тоже показывал жестами, что осталось только два ряда. «Надо закончить!» - крикнул он.— Аманулла ждёт!» Лейтенант понимал, что это его последний аргумент.

Как только мог быстро, он упал на каменистую тропу и пополз за спасительный поворот. Грянул выстрел, второй, началась пальба, но лейтенант уже был за каменной защитой. Он слышал, как ругались “духи”, слышал, как они приблизились к минной полосе, снова

ругались, кричали что-то друг другу громко и зло, но двинуться по заминированной тропе никто не рискнул. По отдельным словам и интонациям лейтенант понял, что они обвиняют во всём того, кто держал пленного на прицеле. Да, этому ротозею теперь не позавидуешь. Аманулла его повесит. Лейтенант лежал тихо, стараясь не производить ни звука, чтобы не обнаружить себя. Хотя они, конечно, понимают, что скорость передвижения безногого инвалида невелика. Но тьма ночи не позволит пройти между мин. Сейчас им остаётся только вернуться в лагерь.

Снова на свободе.

Наконец, голоса замолкли вдали. Лейтенант остался один на один с ночным миром гор. Он не знал, что сообщат душманы своему предводителю. Может быть, скажут, что убили его при побеге, и он сорвался в пропасть. Может быть, скажут правду. Тогда будет погоня. Надо торопиться – постараться продвинуться как можно дальше в сторону Дарвешана. По тропе ползти нельзя, а тем более прыгать на одной ноге. Мало ли наблюдателей у “духов”.

Как ни крути, самое верное решение – это спуск в пропасть, потом – продвижение низом по ущелью, которое считается непроходимым, на северо-восток к Дарвешану. Лейтенант понимал – спуск может закончиться гибелью, но и все другие варианты – это верная смерть от пули или мучительная казнь в лагере душманов.

Он некоторое время двигался вдоль края пропасти, стараясь найти более или менее пригодное для спуска место. Наконец, обнаружил ложбину, поросшую колючими кустарниками, уходившую вниз с неким подобием уклона. Неизвестно, где кончается этот уклон, может быть ниже находится обрыв, и его ждёт падение на острые камни. Но другого варианта нет.

Спуск с самого начала превратился в пытку. Усыпанные иглами кустарники, через которые лейтенанта потащило вниз, словно орудие пытки, сдирали одежду и кожу. Лейтенант едва успевал защищать глаза – если ослепнет, тогда уже надежд ни на что не останется. Он приказал себе не чувствовать обжигающей боли и помнить только одно – нужно спуститься на дно ущелья живым. Сколько времени длилось кувыркание по каменному склону – треск и грохот в

ушах, новые и новые порции боли, крови, бессознательные попытки упереться во что-либо правой ногой, схватиться руками хоть за какую-то опору—лейтенант не смог бы определить. Ему казалось, что всё это продолжается уже целую вечность, и что так будет всегда. Он падал в ад, и адским был путь, ведущий в его бездны.

Наконец, сознание отключилось, наступила тьма.

Подарок Духа гор

Лейтенант открыл глаза и долго не мог понять, где находится - полусумерки, полусвет и скалы, скалы... Вместе с сознанием пришла боль. Болело всё - голова раскалывалась, руки и ноги ощущались тяжёлым грузом, тело — сплошная короста. Любое малое движение рождало жгучий пламень, грозивший расплавить мозги и отключить сознание снова. Сколько времени прошло с тех пор, как лейтенант кровавым месивом скатился с каменной кручи? Сутки, двое или, может быть, всего час? Наверное, это неважно. Главное сейчас собрать все силы, приказать себе не чувствовать боли и начать движение в сторону Дарвешана. Пусть на метр, на два, но приблизиться к цели.

Лейтенант вспомнил уроки медитации, которые им преподавал инструктор по каратэ. Закрыв глаза, нарисовал образ своей боли в виде чёрного круга на светло-жёлтом экране. Мысленно собрал всю боль без остатка и загнал в этот круг. Медленно стал сжимать его, уменьшая в диаметре. Чёрный круг послушно освобождал всё больше светлого пространства и, наконец, превратился в маленькую точку. Вот эту точку лейтенант долго не мог стереть, но, наконец, это удалось. Боль, действительно, отступила. Первая попытка сдвинуться с места кончилась тем, что боль снова накатила удушливой волной, и лейтенант чуть не задохнулся - так резко прокололо грудь. Наверное, сломаны рёбра. Может быть, пострадали и лёгкие. Он снова повторил медитацию, стирая чёрный круг боли, словно ластиком с белого листа. Стиснув зубы, опять попытался ползти. На этот раз удалось продвинуться метра на три вперёд.

Лейтенант услышал слабый звук, похожий на глухое бормотание. Прислушался – да, это ручей. Неужели ему, как и в прошлый побег, мерещится вода? Он прополз ещё метра три и увидел круглый крошечный родничок между камней на небольшом возвышении. Вода

из него переливалась через край тонкой прерывающейся стружкой и падала, растворяясь между камней, уходя в песок, скрываясь под чахлыми пятнами лишайника. Живая вода в маленькой горсточке Духа скалистых гор.

Только сейчас, увидев воду, лейтенант понял, как хочет пить. Он пил и пил, припав к волшебной чаше, подаренной ему кем-то Милосердным, наверное, самим Богом. Через час он умылся, и стало легче дышать, прояснилась голова. Время шло, нужно было уходить от родника. Лейтенант понимал, как трудно будет оторваться от воды. Сознание протестовало, подсовывало тягучие мысли о том, что здесь его не будут искать, что можно побыть возле воды ещё один день, немного оправиться от травм, и тогда уже...

Но где-то на заднем плане не давало покоя другое - ощущение опасности и зов далёкой цели - южного чужого города Дарвешана, который мог спасти лейтенанта, мог открыть ему дверь в тот, потерянный мир, где остались Родина, дом, Шехерезада...

Часть третья. ИСПОВЕДЬ.

*****

Звонок

Жена лейтенанта положила телефонную трубку, но почему-то не могла отойти от аппарата, словно боясь разорвать невидимую нить, которая только что связывала её с мужем. Что-то мешало и скребло глубоко внутри сознания. Всё было хорошо, он собирался вылететь домой, но сказал, что задержится только на три дня. О причине не сообщил, лишь дал понять - ничего серьёзного не случилось. Может быть, тревога родилась оттого, что срок службы лейтенанта в Афганистане уже был один раз продлён на целый год. Тогда он тоже должен был вернуться домой, но пришёл приказ остаться на месте службы. Сейчас все сроки уже вышли, нового приказа нет, значит, всё нормально.

Марина постаралась отогнать глубинную тревогу, подошла к дочке, подала ей любимую куклу. Эту игрушку дочка называла «подарком папы», потому что бабушка, вручая куклу, сказала: «Береги её, это подарок тебе от папы». Девочка не видела отца, но хорошо знала его по рассказам мамы, бабушки и по фотографиям. Рассматривая фото, она

всегда указывала пальчиком на отца и серьёзно сообщала: « Это папа. Он скоро придет».

Ещё и ещё раз перебирала Марина в памяти все подробности телефонного разговора, стараясь понять, что же вызвало эту непонятную, но опасную, как болото, тревогу. Ничего...Только разве интонации лейтенанта - какая-то неуверенность сквозила в его голосе. А может быть, это просто показалось от усталости, недосыпания - по ночам ей часто приходилось вставать к дочке. Шахиня, так Марина называла своё милое чадо, спала беспокойно, постоянно просыпалась, требовала маму. Ей то хотелось пить, то на горшочек, то было жарко, то холодно. То вдруг хотелось к бабушке. Научившись говорить, девочка стала рассказывать сказки - то, что видела во сне.

Вчера Шахиня рассказала, что видела, как под яблоней сидел папа. Он улыбался. Красные яблоки падали ему в руки, он ловил их и отдавал Шахине. Она набрала много яблок в подол, но когда хотела унести домой, не удержала, и они рассыпались по траве. «Хочу яблок! – заявила она маме посреди ночи.

Они пошли на кухню, достали яблоко из холодильника. Шахиня съела

его и только после этого снова улеглась спать. Каждую ночь возникали новые фантазии, она часто видела сны, рассказывала их Марине, а утром всё забывала.

Её красочные истории оставались только в памяти мамы, которая собиралась записывать эти сказки, чтобы дочка, когда вырастет, могла встретиться с собой маленькой, перенестись в своё детство. Но пока ещё не было записано ни одной ночной истории, Марина только успела приготовить для этого новую общую тетрадь. Она хотела дать почитать сочинения дочки папе, когда тот вернётся домой.

Три дня и три ночи... Неужели вот так просто – откроется дверь, и на пороге возникнет знакомый силуэт? Они расставались, надеясь встретиться через год. Тогда этот срок казался бесконечным. Но военные не принадлежат себе – разлука растянулась почти на два года. Дочка сделала первый шаг, подросла, заговорила, а отца всё не было.

Марина представляла себе Афганистан в виде бесконечных горных хребтов, вечного зноя, песчаных равнин. Теперь она понимала, что там идёт партизанская война, и наши войска нужны не просто для охраны порядка. В

Бийск уже три человека вернулись оттуда в цинковых гробах. Но лейтенант писал, что, боевых действий нет, всё спокойно, и ей нечего бояться. До сегодняшнего дня Марина старалась не думать о плохом, надеялась на встречу и ждала, что вот-вот откроется дверь... А теперь, когда разлука почти закончилась, вдруг навалилась беспричинная тоска. Да такая, хоть волком вой.

Казалось, что нет сил ждать даже и одной минуты. А что такое трое суток да плюс один день на дорогу? Вечность! Марина сжала виски руками, закрыла глаза, и забормотала быстро и невнятно: «Господи! Не могу, не могу, не могу больше!».

Дочка, почувствовав состояние матери, притопала и встала рядом, дёрнула Марину за платье: «Мамочка, ну, мамочка же!»—жалобно требовала она.

—Всё хорошо, моё золотко!—
Марина погладила дочку по голове.

Шахиня крепко обняла свою ненаглядную мамочку, и они, устроившись, на диване, стали бодаться лбами.

—Ты—моё золотко!—ещё раз сказала
Марина.

—Нет, это ты моё золотко!—
засмеялась Шахиня.

Им было хорошо вдвоём. А что такое «втроём–с папой» никто из них ещё не знал. Марине очень хотелось сообщить дочке, что папа приедет через три дня, но что-то мешало ей сказать это. Страх обмануть маленькое безгранично верящее маме существо? Ощущение какой-то неведомой опасности или эта липкая тоска, не отпускавшая сердце?

–Молчи!– приказала себе Марина.
– Приедет отец, Шахиня сама его увидит и узнает.

Страшная весть

Три дня и три ночи... Космическая холодная вечность – так воспринимала жена лейтенанта это пустое время, этот провал в жизни, по ощущениям равный долгому опасному полёту над пропастью. Ожидание и неизвестно откуда пришедшее отчаяние, хотя на улице разгуливало по горячему асфальту лето, летал невесомый пух тополей, всё благоухало и цвело.

Но вот настало утро четвёртого дня. Марина не спала почти всю ночь. Встала в пять часов, готовила завтрак дочке, но внутренне не находила себе места. Ей хотелось мчаться в аэропорт, стоять в зале ожидания, глядя в окна на взлётную полосу, в высокое небо, в

котором из синих глубин должен возникнуть серебристый лайнер...

Телефонный звонок резко ударил по нервам. Марина как-то совсем забыла о телефоне - надо было ещё вчера позвонить в комиссариат. Да-да, в девять часов она свяжется с капитаном Ивановым. Звонила её мать, спросила, поедет ли Марина встречать мужа. Можно было и не спрашивать. Разве могла она не поехать! Самая большая проблема – дожидаться четырнадцати часов, когда уже можно будет мчаться в аэропорт.

Проснулась дочка. Марина накормила её и долго думала, отправить ребёнка в ясли или оставить дома, а потом вместе с ней ехать в аэропорт. Решила не беспокоить дочку заранее и, как обычно, отвела её в группу, сдала воспитательнице.

В девять часов набрала номер комиссариата, но никто не ответил на звонок. Капитан, как всегда, опаздывал на две минуты. Наконец, Марина услышала в трубке его хриловатый баритон: «Капитан Иванов». Она помедлила и сказала: «Сергей Иванович, это Марина. Скажите, могу я сегодня встречать Новосибирский рейс?» Она не могла заставить себя спросить прямо: «Всё ли в

порядке с возвращением мужа?”
Глубинный страх блокировал речь.

-Марина! Здравствуй, - ответил капитан, - пока других сведений не поступало. Перезвони через пять минут, я скажу тебе точно. Не волнуйся, всё будет хорошо!

Через пять минут капитан позвонил сам.

-Марина! – только начал он, а сердце у неё оборвалось и словно бы закричало. –Марина! Я сейчас подъеду к тебе домой. Жди, - и положил трубку.

Полчаса спустя, когда открылась дверь, и капитан Иванов шагнул в прихожую, Марина услышала то, что уже прокричало ей сердце.

-Сегодня придёт груз-200, - сказал капитан осевшим голосом, - это твой муж, Марина. Он погиб как герой. Только не плачь – ты жена офицера...

Она и не могла плакать. Слёзы хлынут потом, спустя много дней, когда сознание смирится с происшедшим...

Проводы

Ей не разрешили открыть гроб, как она ни просила. Все отвечали одно и то же: « Запрещено – приказ командования». Хождения матери

лейтенанта по военным инстанциям тоже закончились отказом.

Словно в страшном и душном сне ехала Марина на кладбище. Дочка осталась у бабушки – та не разрешила Марине даже и говорить что-то о смерти отца. «Скажем ребёнку, что папа ещё долго не приедет, что он занят. Подрастёт, тогда и расскажешь, как погиб её отец».

Марина согласилась - конечно, так будет лучше. Неизвестно, что произошло бы с психикой ребёнка, который ждёт отца, а вместо живого папы видит цинковый гроб, слышит рыдания и разговоры о смерти.

Солнце пекло, словно в последние дни мира. На кладбище – ни ветерка. Долго говорили красивые и печальные речи сослуживцы лейтенанта. Марина слушала, и ей казалось, что всё происходящее – неправда, что всё это сон, который вот-вот кончится. Капитан Иванов скорбно и торжественно объявил, что лейтенант посмертно награждён орденом и ему присвоено звание Героя. Залп десятка армейских винтовок заставил всех невольно вздрогнуть.

-Вот и всё!- сказала Марина. Ей казалось, что это её хоронят. Это на крышку её гроба упали первые комья земли.

После жизни

В первое время после похорон Марина часто ловила себя на мысли, что хочет позвонить мужу. Она не верила, что лейтенант погиб. Ждала каждый день стука в дверь, телефонного звонка. Шли дни, недели, а наваждение не кончалось.

Марина ходила на работу, водила дочку в ясли, стирала, варила завтраки, обеды и ужины, но делала всё это как-то бессознательно, механически. Иногда ловила себя на мысли, что похожа на робота.

Странный сон приснился жене лейтенанта на сороковой день. Шла она вдоль горной бурной и широкой реки. Ревела вода, летели водяные брызги. И вдруг на том, далёком втором берегу, среди ярко-зелёных сосен увидела Шехерезаду такой, какой была она в десятом классе - ослепительно красивой, стройной и улыбчивой. Огромные глаза – две сияющих звезды – так и звали пойти за нею. Шехерезада помахала рукой и показала жестом - лети, мол, сюда.

И полетела жена лейтенанта над бурной и страшной рекой, чувствуя, как зелёные воды притягивают к себе, заставляют снижаться, хватают за ноги

своими упругими мощными струями. Из всех сил старалась она подняться повыше, но никак не могла преодолеть этого магнитного притяжения.

Уже по пояс она в воде, скоро утонет по плечи и не сможет больше взлететь. Жадный поток увлечёт её как соломинку, закрутит, бросит на дно, и погаснет солнце на небе, и исчезнут сосны...

-Шехерезада! Помоги!– крикнула она громко... Многократное эхо мощной полифонической мелодией ответило ей, отражаясь от скал и снова возвращаясь к ним.

Шехерезада легко и высоко поднялась в воздух, пронеслась над зеленоводой рекой, выхватив из её недр Марину, и опустилась на берегу.

Жена лейтенанта на миг потеряла сознание, а когда очнулась, Шехерезады уже не было рядом. «Я же ничего не успела ей сказать!–ужаснулась Марина.– Она спасла меня, а я...»

Сон, словно живая явь, не отпускал сознание и днём, и на следующий день. Жена лейтенанта постоянно мысленно возвращалась на берег горной реки. Спрашивала себя, почему она не смогла перелететь реку, а Шехерезада летала, как Ангел – легко и

просто? И где-то в глубинах сознания она видела ответ - это грех тянул её к земле и не давал подняться к облакам.

Исповедь

Прошло полгода со дня смерти лейтенанта, но жена продолжала ждать его, надеясь однажды услышать знакомый стук в дверь – муж всегда стучал, а не звонил. Такая была у него привычка. Постепенно пришло убеждение, что жизнь как-то может измениться, если Шехерезада узнает всю правду и простит Марину. Однажды жена лейтенанта поздно вечером, присев на кухне за стол, положила перед собой несколько листов бумаги и стала писать.

«Прости меня, Шехерезада! – так начала она своё послание.–Твой лейтенант, мой муж, погиб в Афганистане. Я, конечно, понимала, как он любил тебя. Так было всегда, с самого раннего детства. Я уверена – любил до последнего часа. Улетая в Афган, он просил меня назвать дочь твоим именем. И я не посмела ослушаться. Мою дочь зовут Шехерезада. Шахиня – так я называю её. И дочь, и свою жизнь с лейтенантом я украла у тебя.

Помнишь, как ты уехала на Балхаш и оставила мне твой адрес. Ты просила передать его лейтенанту. Ты просила передать ему также, что ждёшь его. Ты не знала одного - моих желаний. Я же хотела идти по жизни только рядом с ним. Никто другой мне был не нужен. Никогда не подавала я виду, что люблю его – знала о ваших отношениях. И тут судьба кинула мне в руки такой шанс! Конечно, я не могла его упустить. Я не понимала... нет, не хотела понимать, что ломаю ему жизнь. Мне казалось – смогу сделать его счастливым, ведь я так любила!

Шехерезада! Я тогда смогла убедить его, что ты вышла замуж и уехала на Балхаш с молодым мужем. Он пережил страшный шок. Долгое время жил как робот – делал то, что нужно; ходил, куда было нужно; возвращался домой, но не чувствовал жизни. Теперь я понимаю его состояние и сама живу после похорон какой-то картонной жизнью. Это Бог вернул мне то, что я когда-то породила на свет.

Я тогда, словно убила его. Могу представить, что происходило с тобой все эти годы. Ведь я тогда убила и тебя. Знаю, что ты не создала семьи. Понимаю, что ждала его. Прости меня, если сможешь!

За всё, за всё на этом свете приходится платить. Отобрав лейтенанта у тебя, я не приобрела ни счастья, ни его любви, ни семейной жизни. Только дочка осталась мне от него, но она странным образом похожа на тебя и носит твоё имя. Отца она не видела ни разу – родилась, когда он находился в Афгане. И лейтенант знал дочку только по фотографиям.

Мы схоронили его, но мне постоянно кажется, что не было никаких похорон, ведь мёртвым своего мужа я не видела. А ещё – я чувствую, что если ты не простишь меня, то ни моя жизнь, ни жизнь моей дочери не будут осмысленны, и я боюсь – ей тоже придётся расплачиваться за мои грехи.

Ты должна бы, наверное, ненавидеть меня уже за одно то, что какое-то время я жила рядом с ним и родила ему дочь. Но я знаю, что это не так. Ты не можешь ненавидеть, и душа твоя светла. Я видела тебя такой во сне. Если сможешь, приезжай в Бийск. Мы должны встретиться и поговорить. Приезжай, я буду ждать. Марина».

Утром она отправила письмо. Сбросив его в почтовый ящик, почувствовала облегчение, словно сняла плеч тяжёлый груз, который несла много

лет. “Буду ждать ответа”,–сказала себе жена лейтенанта.

Жизнь катилась дальше, не взирая на горе, счастье, радости и огорчения. Но ощущение пустоты не проходило. Ничто не могло заполнить этого жуткого необъятного вакуума, который родился на свет в минуту потери и, захватив душу, не собирався её отпускать так просто. Марина понимала, что теперь ей придётся жить с этим. Мысленно она постоянно возвращалась к тому дню, когда лейтенант приехал в Бийск после окончания военного училища. Был ясный весёлый день в конце июня. Душа её пела, легко и свободно плавала в синем небе между летучих летних облаков. Но ощущение праздника вдруг погасло. Случилось это сразу после того, как Марина сообщила лейтенанту, что его любимая Шехерезада вышла замуж и уехала, не оставив ему даже записки. Улыбка, до этого момента блуждавшая по его лицу, ещё минуту автоматически держалась в уголках губ, а потом медленно сползла куда-то вниз–как будто в небытие. Марина испугалась, увидев какое действие произвели её слова. Ей хотелось крикнуть: «Не верь мне!» Но она промолчала. С каждой минутой лейтенант словно терял частицу живой жизни, глаза

его погасли, лицо стало серым. Марина поняла, что он вот-вот заплачет.

-Извини, - сказала она фальшивым голосом, - мне нужно идти.

И она ушла, оставив его одного до завтра. А на следующий день, он безразлично согласился на всё, что Марина предложила: принять её сочувствие, ехать вдвоём к месту его службы.

Правда, он сказал, что может добраться и один, но Марина, стараясь говорить как можно проще, по-дружески, сообщила: «Я не брошу тебя сейчас в таком состоянии. Довезу до места, а там будет видно!»

Рано утром она отправилась с портфелем в руках в дом лейтенанта – поезд уходил в восемь утра. Город ещё спал, шаги её рождали гулкое эхо, следовавшее по пятам. И вдруг какой-то странный звук заставил Марину остановиться. Прислушавшись, она поняла, что это кричит охрипшим голосом котёнок. Животное пищало, словно захлёбываясь в болотной жиже. Марина осмотрелась, обошла пятиэтажку вокруг, заглянула в соседний двор – везде сухо, луж нет. Канализационных люков тоже. Откуда же этот крик? Совершенно явственно, будто котёнок тонет в

полуметре от неё. Крик не затихал, и Марина поспешно пошла прочь. Странный звук преследовал её, не становясь тише, не удаляясь. Она снова остановилась, прислушалась—да, тонет котёнок. Но где? Вдруг какой-то животный ужас накатил на неё, мороз пробежал по спине. И Марина бросилась бежать.

Она помнит это так ясно, как будто всё случилось только вчера. Добежав до подъезда, где находилась квартира родителей лейтенанта, Марина отдышалась, успокоилась и, выбросив из головы досадный инцидент, поднялась на третий этаж. Тогда она не задумалась над тем, что это было? Сейчас сама собой пришла мысль: «Бог предупреждал её, пытаясь дать знак: Остановись! Вернись домой!»

Не остановилась, не вернулась... И всё произошло так, как произошло.

Шехерезада

В почтовом ящике лежало какое-то послание, заманчиво светясь в прорезь белым кружочком. Шехерезада повернула ключ, открыла дверцу, и в руки ей упало письмо. Почерк незнакомый, адрес... Адрес лейтенанта.

Сердце забилося резко и часто. Она думала, что переболела этим. Нет!

Всё живо и больно, как и раньше. Но почему почерк чужой? Руку лейтенанта она бы узнала даже в темноте. Дрожащими руками разорвала конверт, вытащила сложенные вчетверо листочки. Развернула их и прочла: «Прости меня, Шехерезада! Твой лейтенант, мой муж, погиб в Афганистане. Я, конечно, понимала, как он любил тебя. Так было всегда, с самого раннего детства. Я уверена—любил до последнего часа. Улетая в Афган, он просил меня назвать дочь твоим именем. И я не посмела послушаться. Мою дочь зовут Шехерезада. Шахиня — так называю я её. И дочь, и свою жизнь с лейтенантом я украла у тебя...»

Шехерезада прислонилась к стене, чувствуя, как ослабели, а потом налились свинцом ноги. Ещё раз посмотрела на развёрнутый лист с неровным почерком: “Прости меня, Шехерезада! Твой лейтенант, мой муж, погиб в Афганистане...”

-Нет, нет! Это ошибка!— прошептала она.— Сейчас я поднимусь домой, прочитаю ещё раз. Это не правда. Но зачем она так зло шутит?

Перешагнув порог, снова и снова пробежала глазами по строчкам, не веря написанному. Потом села на диван и

прочла письмо до конца. Все невыплаканные слёзы, страшные годы ожидания, бессонные ночи, когда она прислушивалась к каждому звуку на лестнице, надеясь услышать знакомые шаги – всё это вырвалось из глубин души тихим воем. Так воют собаки от безнадёжности, одиночества и ночной жути.

Потом хлынули слёзы. Она плакала и не могла остановиться. Выла и плакала. Время исчезло. Сознание умерло. Шехерезада осталась один на один со смертью. Теперь жить было незачем. Всё потеряло смысл. Она даже не вспомнила, что оставила входную дверь открытой, не заметила, когда вошла соседка. Не понимала, о чём та спрашивает, почему тормозит её.

Нисколько не удивилась, когда перед ней возникла женщина в белом халате – врач. Что было дальше, Шехерезада не помнила. События как-то выпали из памяти. Это случилось потому, что происходящее уже не имело для неё никакого значения...

Голос интуиции

Из больницы Шехерезада вернулась домой только через три месяца. За это время боль чуть-чуть притихла в

душе, но не ушла. Однако странным было то, что бездна, где летала безразличная белая смерть, почему-то отступила. Первое, что сделала Шехерезада, когда вошла в дом, отыскала роковой конверт. Снова прочла письмо. Но теперь сознание остановило её на других строчках: «Мы схоронили его, но мне постоянно кажется, что не было никаких похорон, ведь мёртвым своего мужа я не видела. А ещё – я чувствую, что если ты не простишь меня, то ни моя жизнь, ни жизнь моей дочери не будут осмысленны, и я боюсь – ей тоже придётся расплачиваться за мои грехи...»

Шехерезада прочла эти строки несколько раз. Прислушалась к себе внутри, и откуда-то из глубин далёких гулких пространств, приближаясь и становясь всё более отчётливой, проявилась мысль: «Он жив!» Снова и снова проверяя это ощущение, она ловила сигналы подсознания, а может быть, не подсознания, а реальные послылы живого организма, пронизывающие время и расстояние. Да, это его мысленный зов! Он через тысячи километров обращается к ней, и подсознание ловит живые волны близкого существа.

Шехерезада понимала, что так люди сходят с ума. Нужно что-то делать.

Она решила ехать в Бийск, встретиться с женой лейтенанта.

В родном городе

Шехерезада бродила по родному городу, узнавая и не узнавая его улицы, переулки, дома... Она побывала везде, где весёлые и счастливые летали в облаках два юных создания, наполненных любовью. Неужели это были они с лейтенантом?

Вот здесь они шли вдоль набережной, посидели на лавочке. Лейтенант купил мороженое для своей дамы. Потом они сели в трамвай и поехали в сторону новостройки, вышли на остановке около ресторана «Север» и двинулись к большому дому, огороженному высоким забором. День уже склонился к вечеру, солнце разлилось по горизонту малиновым заревом. Уже появились на востоке первые бледные звёздочки. Шехерезада попрощалась со своим спутником и исчезла за тесовыми воротами. Сегодня она договорилась переночевать у подружки Лены. Это был дом её родителей.

Однако лейтенант не торопился уходить. Стоя у забора, прислонившись к белым узорным воротам, он чего-то ожидал. Быстро темнело. Далеко на

горизонте взошла огромная багровая луна. Шехерезада выглянула в окно, помахала ему рукой и показала жестом – иди домой!

А вот здесь, по улице Мухачёва они беззаботно гуляли вдоль тротуара, болтая и обнимаясь на ходу. Шехерезада остановилась, присела на скамейку, сняла ролики. Лейтенант примостился рядом. Они долго разговаривали, прижавшись плечом к плечу. Он достал из кармана книгу «Над пропастью во ржи», они читали её вместе, смеялись, опять обнимались, целовались. Общаться могли день и ночь - им это не надоедало. С вокзала они однажды уехали в Новосибирск. В крайнем купе сидели друг против друга вдвоём, ели мороженое и увлечённо болтали.

Лейтенант пересел на её сиденье. Они угнездились рядом, обнимались, целовались... Мимо мелькали лесополосы, сёла, станции, деревеньки... Дорога показалась им очень короткой. Они думали, что так будет всегда.

Разлука пришла после окончания десятого класса. Лейтенант поступил на учёбу в Красноярское высшее военное училище, а Шехерезада провалила экзамены в Красноярский университет. Родители настояли на её возвращении в Бийск.

Лейтенант и Шехерезада поклялись, что всё равно не расстанутся. Она приезжала в Красноярск, он - в Бийск на каникулы. В тот же год она поступила в Бийский пединститут. Конечно, они собирались пожениться. Быть вместе, совсем вместе им пришлось только один раз. Всего полдня настоящего сияющего счастья. Произошло это в их любимом городе Бийске. На следующий день лейтенант уехал сдавать выпускные экзамены. Больше им встретиться не довелось. Остался город с его улицами, набережной, мостом. Стоит большой дом с тесовыми воротами, где жила подруга Лена. Вокзал всё также шумен и суетен, и поезда уходят в дальние края каждый день, оттолкнувшись от перрона, как корабли от пирса. Шехерезада бродит по улицам города... Но где же теперь лейтенант? В какие дали улетела душа его?

Только через неделю после приезда в Бийск решила Шехерезада пойти к жене лейтенанта, в тот дом, где жил он чужой, уготованной ему не Богом, а другим человеком жизнью.

Встреча

Шехерезада поднималась по ступеням той лестницы, по которой ходил

он столько лет – один, без неё. Здесь был его дом. Его одного – без неё. Тысячи раз переступал он порог этой квартиры. А теперь Шехерезада стоит перед железной дверью, собираясь тоже войти сюда. Одна – без него.

Жена лейтенанта открыла дверь, молча отступила в коридор, пропуская гостью в дом. Шехерезада увидела на вешалке между другими вещами старый китель лейтенанта и быстро отвела глаза, боясь непрошенных слёз и преодолевая желание зарыться в этот китель лицом. В зале, куда она прошла, увидела маленький цветной глобус, стоящий на столе в углу. Это был его любимый предмет. В старших классах он подолгу рассказывал Шехерезаде о разных странах, показывая на глобусе те города, реки и пустыни, о которых шла речь. Под швейной машинкой стояли его туфли, на гвоздике за дверью виден был ремень с железной пряжкой. Казалось, сейчас откроется дверь второй комнаты, и он войдёт, улыбаясь, и скажет: «Где же ты была всё это время? Я так ждал тебя!»

И дверь, действительно, открылась. В зал выглянула девчушка лет двух. Она внимательно посмотрела на Шехерезаду, потом на мать, и снова – на Шехерезаду. Улыбнулась ещё сонной

улыбкой. Да, это была его дочь. И улыбка тоже его.

-Поздоровайся с тётей, - сказала жена лейтенанта. Девчушка спокойно подошла к Шехерезаде, наклонила голову набок и произнесла: «Меня зовут Шахиня, а тебя как?»

-И меня так же, -ответила Шехерезада.

-Шахиня?– удивилась девчушка.

-Да, Шахиня. Мы с тобой тёзки.

-Мама, что такое «тёзки»?

-Это два человека с одинаковыми именами, понятно?

-Понятно, - задумчиво протянула Шахиня, подумала немного и снова спросила: -А почему?

-Потому что людей много, а имён мало. На всех разных имён не хватает.

И Шахиня отправилась по своим надобностям, стараясь по пути переварить полученную информацию. Жена лейтенанта и Шехерезада разговаривали весь вечер и почти всю ночь. Марина рассказала о том, как лейтенант выживал после ложного сообщения о замужестве Шехерезады, как сам напросился в Афганистан, о том, что срок службы продлили потом ещё на год, и он не протестовал. Как будто знал, что там суждено закончить ему свой земной путь.

Самое обидное - это то, что тремя днями раньше лейтенант мог уже улететь домой—срок службы закончился. Но злой Рок не отпустил своего пленника. Он позвонил Марине и сообщил, что задержится, но только на три дня. «До скорой встречи!»—это были его последние слова. А потом пришла страшная весть, и вслед за ней – «груз – 200».

Шехерезада слушала этот странный рассказ, и ей казалось - лейтенант пытается достучаться или докричаться до неё откуда-то из омута пространства.

-Он жив, - вдруг произнесла она, сама того не ожидая.

Жена лейтенанта помолчала, потом внимательно посмотрела на Шехерезаду и покачала головой:

-Я тоже так думала. Но теперь понимаю, что это бред. Идут день за днём – все похожи друг на друга и пусты. Эта пустота – смерть.

-Извини, - тихо сказала Шехерезада.– Я не хотела тебя расстроить.

Она ушла в утренние сумерки, тяжело неся в сердце этот самый «груз-200», ощущая себя неживой и страшной. И не нужной никому. Мир надежды, в котором они с лейтенантом бродили, обнявшись, по узким улочкам города, где

цвели ранние астры и падали жёлтые листья, этот мир исчез. Он ушёл куда-то глубоко под землю, как подводная лодка в толщу вязких тёмных вод...

Она снова пережила, как наяву, то время, когда ждала и не дождалась приезда лейтенанта. Это было похоже на смерть, но всё-таки она всегда знала - он жив, значит, есть надежда. Удивительно, но она не испытывала ни злости, ни ненависти к Марине – ничего! А ведь она отобрала лейтенанта у Шехерезады, обманула его – и это было равносильно убийству. Марина убила сразу двоих. Она пыталась построить свою жизнь с человеком, у которого сама же вынула душу. Разве такое возможно? Конечно, нет. Поэтому лейтенант оказался на войне и погиб. Но это была только смерть тела. Она неизбежно должна была наступить вслед за опустошением души. Марина отняла жизнь и у Шехерезады, а сегодня забрала последнюю надежду...

Живыми оставались только глаза и улыбка его дочери – маленькой Шахини, так похожей на отца и почему-то – на Шехерезаду. Каким-то непостижимым образом природа повторила образ его любимой женщины и соединила их в этом маленьком существе. Всё-таки соединила...

Часть четвёртая. ПОЛЗКОМ НА ДАРВЕШАН.

*****

Неисповедимы пути...

Лейтенант удалялся от родника, ощущая, как отрывает то ли от кожи, то ли от сердца, живой источник жизни. Теперь на его пути вряд ли встретится вода. Сколько сможет он протянуть? Дня три, пять? Знойное солнце съест его – высосет всю влагу из клеток. Успеет ли он за пять дней добраться не до города, но хотя бы до безопасного места, где бандиты уже не смогут открыто его преследовать.

Лейтенант полз, стараясь отключить боль, не ощущать изломанного, избитого тела. Кустарники непроходимыми колючими массивами вытянулись по дну ущелья, петляя между огромных валунов и усыпанных щебнем осыпей. Он продвигался медленно и безнадёжно – колючий наждак растений снова и снова сдирал кожу с рук, лица, рвал последние лоскуты одежды. Невообразимо долго пробирался он в узких перешейках между каменными нагромождениями. Когда солнце присело на краешек скал, готовясь спрятаться за их

устрашающе острыми краями, лейтенант находился уже примерно километрах в трёх от родника.

Он приказал себе не думать о жажде, но сознание упорно возвращалось назад – туда, где мерцающей живой струйкой из каменной маленькой ладони гор выливалась вода. Лейтенант пытался представить себе Дарвешан, его узкие улочки с низкими домами, зияющими открытыми проёмами дверей, через которые видны чистые дворики, тандыры, скамеечки... Туда, и только туда направлял он свою мысль, только этого города желал, словно божественного храма спасения. «Там и вода, и жизнь!» - твердил он себе.

Как всегда в горах, ночь упала быстро, словно обнажив небосвод. И на его девственно чёрном бархате вспыхнули огненные звёзды. Стало холодно. Лейтенанта знобило. И хотя он решил ползти и ночью, тело протестовало против движения, просило отдыха. Он закрыл глаза, прислонился щекой к неостывшему камню и мгновенно уснул.

Давно потерянный сознанием образ Шехерезады снова явился ему в виде сияющего Ангела, сидящего на куполе мечети в Дарвешане. Лейтенант пытался взлететь и добраться до Ангела,

чтобы дотронуться до его крыльев. Он даже ощутил шёлк белой жемчужной поверхности правого крыла, которое ему удалось достать. Но лейтенант не смог долго удерживаться на уровне купола и стал падать, всё быстрее приближаясь к земле. Он зажмурил глаза, чтобы смягчить силу удара о каменную мостовую – ему казалось, что это поможет. И действительно, удара не было. Он опустился на мостовую целый и невредимый. Закинув голову, посмотрел вверх, ища глазами Ангела. Но купол мечети сиял золотом в лучах полдневного солнца, и было невозможно рассмотреть, есть ли кто там, на высоте...

Сколько продолжался сон, лейтенант сразу не сумел определить. Это могло быть как несколько часов, так и несколько минут. Вокруг по-прежнему колдовала глубокая южная ночь. По углу поворота созвездий он решил, что проспал примерно три часа. Пора было снова в путь, ведь он для лейтенанта, избитого, израненного, не имеющего запаса воды, потерявшего ногу, словно дорога до центра галактики – бесконечен и вечен...

Непрошенный гость

Первая попытка начать продвижение вперёд принесла такую мучительную, разрывающую всё тело

боль, что потемнело в глазах, и лейтенант невольно застонал. Но, не обращая внимания ни на что, он пополз вперёд. И снова началась пытка – мириады игл кустарников, оберегающих ущелье от чужаков, впивались в кожу, сдирая едва-едва подсохшие струпья, снимая остатки кожи на руках. Лейтенант чувствовал, что слёзы сами собой текут из глаз, и он ничего не может с этим поделать.

-Дарвешан! – хрипел он, делая очередной рывок, - Дарвешан!

Это чужое слово, имя города, стало его заклинанием – талисманом, обещавшим жизнь. Лейтенант полз, плача от боли и жажды, ничего не слыша, кроме шипящего голоса колючих ветвей. Но вдруг, где-то на далёком, очень далёком плане, он услышал новые, чуждые шуршанию растений звуки.

Он остановился, прислушался. Кровь пульсировала в венах, тоже рождая звуковое эхо, подобное далёкому гулу. Но тот, услышанный им в пространстве звук, был не похож на голос крови. Звук напоминал рыдания или протяжную песню. Услышанный в очередной раз, он не оставил сомнений - это звучала песнь горного волка.

Животное находилось пока где-то очень далеко. Звуки позволяли

определить, что волк движется верхом – по перевалу. Лейтенант замер, стараясь не производить даже малейшего шороха. Он знал, что слух волка идеален для охоты. Так же, как и его нюх. Вот с этим уже ничего не поделаешь. Содранная до мяса кожа – верная приманка для хищника. Остаётся только надеяться, что волк всё-таки не сможет на таком большом расстоянии уловить запах добычи.

Лейтенант пролежал без движения примерно полчаса. За это время ни разу до его слуха не донеслась протяжная дикая мелодия. Он решил, что волк ушёл на безопасное расстояние, и нужно во что бы то ни стало двигаться вперёд.

И снова попытка–мириады игл кустарников, сдирая едва-едва подсохшие стружья, снимая остатки кожи на руках, впивались в уши, в спину, в ноги... Лейтенант снова глотал солёные слёзы, не в силах остановить их. Он превратился в железный механизм, не чувствующий боли, не знающий усталости – продвижение вперёд, хоть на метр – но только в сторону Дарвешана, это стало его единственной задачей.

Он взбирался ползком на огромные валуны, перегораживающие ущелье, сдирая до мяса ногти. Потом сползал с них с другой стороны, пятась

задом как большой раненый краб. Одежда его превратилась в чёрные лохмотья. Такими же чёрными были руки и лицо - пыль толстым слоем налипла на ободранную кожу. Наконец, вдруг разом обессилев, он остановился. Время клонилось к вечеру. Солнце висело уже низко на западе, готовое вот-вот упасть за каменный занавес гор. Лейтенант понял, что без отдыха не сможет дальше двигаться. Он как бы смирился с этим, хотя сознание упорно посылало вперёд. Он понимал, что любая остановка работает против него. Жажда, раны и нечеловеческое напряжение убивают быстро. А где-то ещё рыщет горный волк и, скорее всего, не один. Но глаза закрылись сами собой, и лейтенант провалился в сон, на этот раз – словно упал в небытие, в какое-то глубокое и гулкое пространство, похожее то ли на смерть, то ли на реку забвения.

Он спал, привалившись к серому камню, укрытый колючей стеной полусухих кустарников; спал, не смотря на то, что тело его стало похоже на кровавый комок, усыпанный пылью, укрытый чёрными лохмотьями. Не чувствуя боли, не испытывая страха или отчаяния, он спал на дне дикого непроходимого ущелья, которое стало

единственным убежищем для него на земле, пока жив, пока дышит, пока может думать...

Пробуждение

Разбудило его солнце, первым скользящим лучом дотронувшись до струпьев на щеке. И это невесомое прикосновение отозвалось болью - так реагировал на любое воздействие измученный организм. Сознание лейтенанта не хотело признавать, что эта маленькая живая точка на теле каменных нагромождений, словно попавшая в капкан мышь –это он сам. Дорога на Дарвешан через непроходимые дебри ущелья вдруг ясно представилась ему чередой бесконечных пыток, которые не могут закончиться ни чем иным, кроме гибели.

Тихий вой удивил и испугал его, но секунду спустя он понял, что это его собственный стон. Лейтенант знал, что не имеет права расслабляться, бояться или сомневаться, иначе...

Он рванулся, упал на каменную россыпь и пополз вперёд. Снова вперёд – на Дарвешан. Он–робот! Он–механизм, подобный луноходу. Его задача - пройти через любые преграды! Этот мысленный

тренинг, перевоплощение в механизм, действительно, помогало— уходила боль, он забывал о жажде. Но стоило только на минуту стать человеком, как наплывали волны почти осязаемого бреда - лейтенанту казалось, что совсем рядом, за очередным валуном журчит ручей.

Он лихорадочно прорывался через сонмы игл, срывавших с него остатки лохмотьев и кожи, туда, где должен быть родник, но только безжалостные колючие дебри и раскалённые солнцем камни встречали его. Воды не было и не могло быть.

К полудню он вдруг потерял сознание, хотя собрав все силы, мыслимые и немыслимые, давно запретил себе впадать в беспамятство. Обморок продолжался недолго, но лейтенант понял, что ресурсы организма кончаются. Скоро он не сможет двигаться вообще.

Разговор с волком

Забравшись в короткую тень, лениво лежащую под валуном с северной стороны, лейтенант решил отдохнуть несколько минут. Раскалённое солнце медленно и верно делало своё дело - вода неумолимо уходила из клеток. Становилось всё тяжелее дышать.

Лейтенант закрыл глаза—малиновое марево качалось перед его взором, явственно закручиваясь в огненную воронку.

Прошла минута или две. Лейтенант приоткрыл правый глаз, готовясь мысленно к продолжению пути. Напротив него в густых зарослях колючих кустарников стоял большой седой волк. Лейтенант, не шевелясь, оглядел боковым зрением пространство, убедился, что волков больше нет. Значит, это старик-одиночка. Наверняка голодный. Два существа смотрели друг на друга. Прозрачные умные, полные дикой силы глаза зверя, не мигая уставились в измученные глаза человека. Лейтенант знал, что ему нельзя отводить взгляда. Это может спровоцировать прыжок волка, который расценит такое поведение человека как отступление, признание силы противника и сигнал к нападению.

Через минуту волк отвернулся и, отойдя несколько назад, лёг на землю. Лейтенант понял, что он в осаде. Ничего другого теперь не оставалось, как ждать. Сколько продлится это противостояние, неизвестно. Всё зависит от случая. Если что-то или кто-то, например другой зверь, привлечёт внимание волка, он может и

уйти. Но терпение зверей сродни терпению человека, и волк может сторожить свою жертву до тех пор, пока не поймёт, что пора нападать.

Лейтенант решил попробовать прогнать своего непрошеного сторожа. Он дотянулся правой рукой до куска щебня, поднял его и бросил в сторону волка.

-Уходи! – прохрипел лейтенант.

Но волк даже не шелохнулся. Ни брошенный камень, который упал с недалётом, ни хрип человека его не испугали. Он был уверен в своей безопасности и не нападал только потому, что пока не оценил до конца силы своей жертвы. Но ему понадобится немного времени, чтобы понять это.

Лейтенант попытался отползти от камня и немного продвинуться вперёд. Он хотел увидеть реакцию волка. Может быть, зверь не рискнёт нападать, и тогда можно будет продолжить путь. Пускай, оглядываясь, постоянно настороже, но всё-таки двигаться.

Волк, казалось, никак не отреагировал на манёвры лейтенанта, поэтому тот позволил себе увеличить скорость, если так можно было назвать его черепаший усилие. Он полз, удаляясь от зверя, как будто чувствуя спиной его

гипнотический взгляд. Продвинувшись метров на пятьдесят, лейтенант с левой стороны в кустарниках обнаружил спокойно лежащего старого знакомого.

-Чёрт с тобой! – выдохнул лейтенант. – Но если ты хочешь жить, то не советую на меня нападать – я перегрызу тебе горло. Пускай и ты сделаешь то же самое, но пойми – тебе лучше остаться целым и невредимым. Иди лови косулю. Она тебя не тронет. А я – не твой! Ты усвой это!

Волк слушал хриплые звуки речи, и казалось, он понимает всё. Лейтенант двинулся дальше. Волк снова остался лежать на месте. Это было похоже на игру в кошки-мышки. И опять через пятьдесят метров лейтенант увидел серого в кустарниках с левой стороны. Он спокойно лежал, как будто всегда был здесь.

-Старый козёл! Нашёл с кем играть! Я тебе ещё раз говорю – уходи подобру–поздорову! - спокойно сказал лейтенант и двинулся дальше.

Он полз, теперь уже не обращая внимания на волка – похоже тот пока настроен на изучение обстановки. Надо пользоваться этим. К вечеру лейтенант устал так, что продвижение дальше стало просто невозможным. Нужно было

отдохнуть и поспать. Но как спать, если рядом зверь. А волк, не меняя тактики, следовал за лейтенантом по пятам. Он явно ждал удобного момента.

-Слушай, серый, оставь свои игрушки. У меня дома маленькая дочь, она ждёт отца. Знаешь, что это такое? Ты знаешь, а вот я ещё и не понял. А ещё там, далеко, на берегу большого озера живёт красивая женщина. Ты и не видел таких. Твои волчицы ей в подмётки не годятся... Так что тебе здесь делать нечего. Иди прочь, найди косулю или какого-нибудь барсука.

Зверь слушал хриплое человечесьё бормотание и понимал, что сил у его живой добычи остаётся меньше и меньше. Но почему-то ему, старому охотнику, становилось с каждой минутой всё скучнее. Он любил запах крови, но этот человек не возбуждал в нём желания убить его. От измученного существа не исходили волны агрессии или страха, от которых у волка вставала дыбом шерсть на загривке.

Каким-то странным инстинктом зверь понимал, что этому человеку н е л з я умереть.

АНУЙСКИЙ ПРЯМОУГОЛЬНИК

*****

1.

Это началось в ночь накануне Ивана Купала - с шестого на седьмое июля. Живые клубящиеся тучи уже целую неделю держали в осаде весь край. Они выворачивались из-за хмурых гор, наползали на дома, самовольно садясь прямо на головы людей, падая в лужи и говоря: " Шлёп. Шлёп". Шлепки становились всё чаще и, наконец, превращались в сплошной шум, а он перерастал в гул.

Накатываясь волнами, гул постепенно затихал, но после краткой передышки всё начиналось сначала. Временами вместе с дождём резко секли воздух увесистые градины. Они отскакивали от земли, словно белая дробь. Казалось, тучи ходят по кругу, не желая уходить – им нравится эта уютная котловина в пойме двух рек, большая подкова зубчатых скалистых и лесистых гор.

На самом деле так и было. Наэлектризованные слоистые клубы туч притягивались к мощной магнитной зоне – здесь проходила линия глубокого разлома. Его красивое имя – Фас Алтая - о многом

говорило посвящённым. А непосвящённым всего лишь казалось странным мрачное кружение туч в одном и том же месте, будто они привязаны тайной властью к центру притяжения.

Линия Фаса Алтая пролегла почти точно вдоль параллели. А по меридианам, перпендикулярно линии Фаса, тянулись ещё два мощных разлома. Один - вдоль Ануйского хребта, другой – параллельно Башчелакскому хребту. Они образовывали чётко очерченный прямоугольник, внутри которого и находилась уникальная горная зона – такой Бермудский Ануйский четырёхугольник. Село, где жила Эври, раскинулось в северной части этого живого магнитного прямоугольника.

В ночь на Ивана Купалу началась гроза. Раскаты грома один за другим наплывали нарастающим валом - звук не прерывался. Эври вначале, услышав эту канонаду, решила, что летит сверхзвуковой военный самолёт – они часто двигались над селом и скрывались в юго-западном направлении – где-то далеко за горами.

Выйдя утром на улицу, Эври снова услышала ту же канонаду - почти ровный рокочущий звук. Казалось, он доносился отовсюду-со всех сторон сразу,

но всё-таки было ясно, что сверху - с затянутого слоистыми тучами неба. Этот непрерывный, такой далёкий и одновременно близкий гул пропитывал всё вокруг ощущением тревоги.

Может быть, это был голос невидимых заоблачных зарниц или гул какого-то движения в горах – то ли это лавины шумели, сползая со своих лежбищ. То ли воды взбесившихся рек где-то ревели, и эхо носило их крик и вой, многократно отражая звук от звонких диких скал.

– А может быть, мне это кажется? И никакого гула просто нет? – думала Эври. Когда её мать вышла во двор, Эври как бы невзначай спросила: "Как ты думаешь-что это за звук?" Мать прислушалась и сказала:

-Что-то гудит, наверное самолёт.

-Но этот гул продолжается уже целые сутки.

-Значит, это гроза или ветер шумит, - легко отмахнулась мать. - А может быть, где-то идёт ливень.

2.

Эври целый день занималась уборкой в доме – мыла полы, вытряхивала половики и ковры, протирала пыль во всех углах. Время от времени выходя во двор, она прислушивалась - не затих ли

загадочный рокот в небесных высотах? Но ворчливый почти спокойный гул какой-то заоблачной работы продолжался. И каждый раз сердце Эври наполнялось тягучей тоской оттого, что никто не мог объяснить - что же это такое? Небесный рокот не затих и к вечеру. Странное подслеповатое солнце, едва выглянув из-под туч, скатилось за линию зубчатых гор, и вечерняя заря скрылась за опустившимися к земле завалами облачных нагромождений. Стало темно, как ночью. В сырой прохладной темноте ворчанье небес приобрело ещё более тоскливый и угрожающий оттенок.

Эври, постояв на крыльце в задумчивости, вошла в дом и решила пока не думать ни о чём, кроме домашних дел – это отвлекало от загадочного звука, напряжённо и осязаемо висевшего над землёй.

3.

Утром третьего дня, едва проснувшись, Эври сразу же вышла на крыльцо и прислушалась к дальним пределам пространства. Ничего не изменилось - всё тот же ровный гул, темно - синие тяжёлые облака, мрачноватый рассвет, пробивающийся розовой краской между туч.

Обернувшись на запад, туда, где среди ущелий и гор, три разлома земной коры образовали магнитный прямоугольник, Эври увидела на жемчужно - сером облаке тёмную тень какого-то большого предмета.

Сам предмет скрывался за облачным занавесом, лишь его тень, отбрасываемую лучами восходящего солнца, можно было увидеть на соседнем облаке. Вокруг этой эллипсоидной тени сияли радужные кольца, плавно переходя от сиреневого к синему, зеленому, жёлтому, оранжевому и ярко-малиновому – самому широкому и радостному цвету, образуящую живую тёплую волну вокруг изображения.

Тень в радужной короне еле заметно смещалась к центру облака – невидимый объект медленно двигался, скрываясь за тучами. Эври, оторопев от феерического зрелища, стояла и, неотрываясь, смотрела на живую яркую картину.

Радужное сияние вокруг эллипсоидной тени пульсировало, переливалось, временами становясь золотистым или зелёным, а иногда - сиренево-розовым. Потом - снова радужным.

Сама собой возникла детская мысль – Колесница Илии Пророка. Это она передвигалась там – в клубящихся извилах туч, поэтому трое суток был слышен звук её двигателей. Но что ищет так долго тот, кто управляет Небесной Колесницей?

Эври отметила, что тень на жемчужном облаке уменьшилась. Радужная корона сжалась, но стала ещё ярче. Через пять минут тень уже напоминала десятикопеечную монету, а в сияющем радужном ореоле стало трудно различать цвета. Они постепенно сливались в единое неопределённой окраски кольцо, слегка отливающее бронзой.

Непрерывный гул, преследовавший округу, заметно затихая, растворялся в глубинах жемчужного пространства. И, наконец, тишина мокрого летнего дня воцарилась над горами, долиной, над селом. И уху, привыкшему за трое суток к тревожным перекатам за облаками, уже казалась странной эта звонкая прозрачная тишина.

4.

Долго раздумывала Эври над тем, что целых трое суток происходило в небе. Что же это было? Десятки раз

спрашивала она себя и не находила ответа.

Решила заглянуть в Библию. Наугад открыла Эври толстый том и прочла: Книга Пророка Малахии. Гл. четвёртая. " Ибо вот придёт День, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий День, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей... Вот я пришлю к вам Илию Пророка пред наступлением Дня Господня, великого и страшного. И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы я пришед не поразил земли проклятием".

-Принято считать, – подумала Эври, – что год земной – это один день Божий. И если небесный гул - это послание Илии Пророка, то какой-то из следующих годов должен стать тем самым днём, о котором Малахия написал – ибо вот придёт День, пылающий как печь...

Библейское пророчество странным образом впечаталось в сознание Эври. Она невольно стала размышлять о том, что может человек успеть сделать за один год. И не просто сделать, а *измениться* так, чтобы не стыдно было перед тем, кого называют Творцом. Она не то чтобы поверила в

Бога, но как-то всем своим существом поняла – есть Сроки Жизни. И нужно успеть в отпущенный *тебе* срок *стать* человеком.

5

Эври пыталась спрашивать у знакомых и друзей, не слышал ли кто в начале июля странного гула с небес. Одни отвечали, что был какой-то звук, но они не придали этому значения. Другие просто ничего не заметили - не прислушивались. Эври волей не волей пришлось размышлять обо всём в одиночестве. Она поняла, что люди ей ничего подсказать не смогут – никто просто не интересовался такими странными вопросами.

-Что такое один год? – думала Эври. – Это триста шестьдесят пять песчинок. Они бесшумно и незаметно уже падают и растворяются в Потоке Времени. Человек – тоже одна из таких частиц. Что успеет он, не умеющий и не смеющий ничем управлять?

Так размышляла Эври и печалилась о том, что не может найти подсказки и не знает, как ей быть. Постепенно эти мысли сами собой ушли на второй план. Живая жизнь, суэта отвлекали и от философии, и от

июльского знамения - так назвала Эври небесное послание Илии. Но там, где-то на этом втором плане, постоянно шла работа - разум искал решения, искал Пути в иной – сияющий мир.

6.

И увидела Эври себя, стоящей возле распахнутого окна. Белоснежные лёгкие кружева занавески парили над её головой. Летний ветер играл тонкой тканью, глядя Эври по волосам и лицу. Ароматы диких трав и текучих вод вместе с ветром врывались в дом - большой рукав реки раскинулся внизу, прямо под окном. Где-то далеко, за еле видимой излучиной реки, проглядывали сквозь речные просторы контуры большого города.

Справа – в тройном зазеркалье отражался зелёный древесный мир. Кружевные висячие ветви берёз, дружно смотрящие в небо кроны тополей, дикие дебри кустарников – живая зелень на синем полотне неба. Слева от окна по бархатной мураве ходила толстопятая женщина с седыми волосами и молодым красивым лицом. Что-то своё делала она в этот день на берегу реки. Время от времени она возникала то в одном, то в другом зеркальном пространстве трюмо,

потом уходила, словно навсегда исчезая за краем толстого стекла. И странно было видеть её вновь реальную, а не отражённую в зеркале, на реальной яркой траве. Что-то завораживающее вмещалось в эти два образа. Когда женщина в очередной раз попала в зеркальный плен, Эври потрогала её сиренево-розовое платье. Но холодная поверхность стекла сообщила Эври, что женщина далеко, и отражение-это что-то совсем самостоятельное, живущее своей жизнью. Спокойный и величественный полдень осязаемо висел над миром, вмещающим в себя всё - реку и травы, Эври и эту молодую седую красавицу, небо и дальние просторы.

И вдруг Эври почувствовала, как волосы встали дыбом на её голове. Она ещё не осознала отчего, но организм уже принял сигнал опасности из внешнего пространства. И только вечность спустя (так ей показалось) Эври увидела постепенно и бесшумно возрастающий на месте живого города зловещий белёсый чудовищный гриб. Она смотрела, не веря глазам и не понимая пока, что видит.

Дальше последовал огромный по своей временной протяжённости промежуток. Это был всего лишь миг по земным меркам - несколько секунд между

беззвучной картиной взрыва и приходом звуковой и ударной волны.

7.

Всё осталось так, как и было - белоснежные лёгкие кружева занавески парили над головой. Летний ветер играл тонкой тканью, глядя Эври по волосам и лицу. Ароматы диких трав, текучих вод с ветром врываются в дом. Красивая женщина в зеркале сиренево - розовым видением сияла на изумрудной мураве. Изменился только рисунок движения - живая картина неуловимо и плавно замедлила ритм.

Кружева

занавески еле заметно поднимались, словно навечно зависнув в невесомости. Красавица на берегу с невероятной грацией исполняла поклон - казалось, что воздух приобрёл плотность воды.

Эври почувствовала, что находится в какой-то иной реальности, где протяжённость времени не имеет границ. Она не смогла бы объяснить, откуда пришло такое знание, но была уверена, что это именно так. "Время дано, чтобы ты успела найти Бога," – услышала Эври. Она обернулась и увидела огромные сияющие глаза. Прозрачные осязаемые волны излучало крылатое светящееся Существо. Эври

никогда не встречала подобной улыбки
- люди так не умеют улыбаться.

- Как же мне найти Его? -
спросила Эври, боясь, что Существо
исчезнет, и она останется одна без этой
сияющей любви. Ей казалось, случись
такое - слепота поразит её. Так ощущала
она сейчас, хотя всего мгновение назад
одиночество было естественным и
привычным состоянием.

- Полюби Его и поверь Ему, -
легко и просто ответило крылатое
создание. - Полюби всем сердцем, и Он
очистит тебя изнутри. Тогда прозреешь и
найдёшь Бога там, где Он ждёт тебя.

-Всем сердцем...Сердцем...-
объёмным эхом заполнили слова
бесконечность пространства, которое
Эври вместила в себя. Там, в этой гулкой
бесконечности, она мысленно нашла свое
сердце, ощутив его как пульсирующую
теплую сферу, распространила тепло как
можно дальше и толкнула в полет живой
сгусток любви, восхищения и желания
увидеть Того, чьей частью она должна
стать.

Каждая её клетка устремилась
вслед за этим мощным посылом. Эври
летела и уже не могла остановиться. Всё
новые и новые то серебристые, то
золотистые, то хрустальные дали

открывались ей, и восторг полёта стал её сущностью. Наконец, она поняла, что Бог – везде. И так будет всегда. Время исчезло.

Но каким-то самым далёким краешком прежнего зрения Эври увидела, как она стоит возле распахнутого окна, пытаюсь закрыть его, но не успевает сделать это. Упругая волна, отброшенная страшным взрывом, уже бьет наотмашь по стёклам и они с каким-то жалким, почти не слышимым, звоном обсыпаются на пол в комнату и на землю. Эври падает. Волна настолько горяча, что вспыхивают занавески и начинает дымиться её платье.

Оглушённая, лежит она, почти ничего не понимая, зажав уши руками, и ждёт, что сейчас на неё обрушатся стены и потолок. Действительно, вокруг стоит какой-то утробный объёмный гул, похожий на вой лавины.

И всё же Эври неосознанно старается подняться, хотя понимает, что поздно что-либо делать – всё уже свершилось. Ей удаётся встать. Она, шатаясь, поворачивается к окну и видит, как неузнаваемо изменилась картина, сиявшая живыми красками ещё минуту назад. Больше всего ей жаль стёкол в

окне, ведь теперь совсем нет защиты от пыли, насыщенной смертью.

Эври пытается осознать то, что безнадежно обрушилось на неё за считанные секунды, и просыпается в кресле у открытого окна. Она закрыла глаза и провалилась в сон всего на миг. И в этот провальный краткий промежуток так реально выплыла и проявилась картина – то ли будущее, то ли прошлое. Но одно Эври поняла точно – Бог помогает тем, кого хочет спасти, даже если осталась одна секунда или доля секунды. Спасаемый в миг опасности переносится в другую систему координат – там время растягивается ровно настолько, сколько нужно для поиска Спасителя.

Эври вспомнила, что такой эффект наблюдали многие, пережившие большую опасность и счастливо избежавшие её. Значит, если человек за доли секунды может стать другим, то что такое *god*? Это целая вечность. Но чтобы получить право жить в её пространстве, нужно иметь живую Душу, летящую к Свету.

*Наталье Толмачёвой,
бывшей сотруднице Бийского музея
посвящается*

ПИАНИССИМО

*****

1.

Лохматые снежины, похожие на живых обитателей океана, плавали за окнами, вспыхивая в лучах ночного света. Казалось, здание музея, как сияющий батискаф, движется в глубины неизвестного. И только гул машин, с обеих сторон обтекающих небольшой старинный кирпичный особняк, напоминал, что действие происходит на земле.

Музей стоял между двух дорог, сливающихся в одну за мостом через Бию. Его узорное высокое двухэтажное тело - настоящая сторожевая башня, венчало знаменитый Чуйский тракт.

Нея зримо представляла себе, как светящийся поток автомобилей обтекает здание, наполненное Прошлым, его былями, легендами... Частицы Прошлого драгоценной алмазной пылью садятся на гудящий поток машин и уносятся

вместе с ним в бурлящую за окнами жизнь.

Нея любила музей как живое существо, особенно-художественный зал на втором этаже. Сейчас здесь десятками глаз смотрела выставка картин местных художников – горные пейзажи, равнинные виды, кусочки леса, портреты людей. Этот виртуальный мир сиял яркими красками, имел особый характер и жил отдельной загадочной жизнью. Его принадлежностью был и старинный немецкий инструмент – пианино, стоящее у юго-западного окна. Нея долго искала инструмент и наткнулась на него совершенно неожиданно в одном из магазинов далёкого Новосибирска. Объёмные звуки хорошо отлаженного и великолепно сделанного механизма одушевляли его, и пианино жило в пространстве зала как жемчужная раковина в просторах океана.

Прикасаясь к чёрно - белым клавишам и вслушиваясь, как мелодия порхает по залу волшебной птицей, Нея сама улетала вслед за ней туда, где за окнами плавали лохматые алмазные создания зимы.

Сегодня вечером почему-то всё было наполнено лёгкой печалью, словно Нея прощалась с этим уютным залом, святыми глазами картин, старинным пианино и его летучими мелодиями. Откуда пришла печаль – Нея не знала, но ощущала её душой как большое светлое облако – прозрачную фигуру, танцующую вальс зимы, снегопада, ясной жёлтой ночи.

Опустив руки и окунувшись в шелестящие шорохи тишины, сидела Нея у инструмента. Витая белая решётка на окне, за ней – ритуальные узоры снегопада, огни в заречной части города – вся эта декабрьская сказка накладывалась на ритмичный стук больших настенных часов. Они отмеряли Время Жизни всему, что сейчас печалилось и радовалось, двигалось, сияло и молчало. Нея физически чувствовала Ход Времени.

Вдруг некая посторонняя нота ворвалась в гармонию тишины и печали. Нея не смогла определить направление звука. Она встала, прошла по пустынной картинной галерее, спустилась по крутой винтообразной лесенке на первый этаж. Здесь раскинулась вдоль стен экспозиция фауны и древних племён Алтая.

В полутьме казались живыми, замершими только на минутку, фигуры медведя, волка, лисы. Выглядывал из-за пня заяц, бежал, выгнув колючую горбушку ёж, пробиралась в зарослях калины, сверкая глазами из сумрачных переплетений ветвей, норка. С правой стороны лесной поляны темнел островерхий чум, белела горка берёзовых дров. Ведя неспешную беседу, сидела возле костра семья кочевников.

Нея прошла по залу, глядя в полутьму, осязаемо заполненную бывшей жизнью. Тишина висела в воздухе плотно и почти зримо.

-Что же это было? Откуда пришёл звук? – подумала Нея.

И тут звук повторился, прилетев слабой волной со стороны лестницы. На верхней ступени её деревянной спирали сидел голубь. Услышав шаги, он поднялся в воздух и закружился в тесном пространстве, ища выхода.

-Как же ты попал сюда? – спросила Нея. Её голос с отзвуком эха напугал птицу ещё больше. Голубь заметался, скользнул вниз по лестнице и вылетел в нижний зал.

Сердце Неи сжалось, снова почуяв какую-то далёкую тоску. Она

вдруг вспомнила, что есть такая примета – перед бедой прилетает птица, вестница несчастья.

-Я увидела голубя, значит это знак для меня, - с грустью отметила Нея..

Она вернулась в зал, открыла входную дверь, и голубь сразу вылетел на улицу – навстречу холодному воздуху.

4.

Нея поднялась на второй этаж. Легко летя по паркету, приблизилась к любимому инструменту, села на круглый стул и сказала вслух: "Пианиссимо, маэстро!"

Мелодия полонеза нежно и прозрачно окрасила зал, словно акварель гениального художника. Нея играла и понимала, что скоро, скоро всё это кончится. Почему кончится - она не знала, но с каждым новым звуком уверенность в этом росла, и Нея вдруг расплакалась.

-Почему всегда теряешь то, что любишь?-глотая слёзы сказала Нея. Никто не ответил ей. Зимний вечер сыпал снегом, сиял огнями. Глухой гул автомобилей был похож на далёкий голос ветра.

Вскоре Нея вынуждена была уйти из музея и зимние сказки, рассказанные

старинным инструментом в синих сумерках, улетели навсегда, оживая время от времени лишь в глубинах памяти. Ночной голубь и вправду оказался вестником беды.

Нея приняла новый поворот судьбы как должное - она давно понимала, что её жизнь-это продолжение одного и того же ряда событий: раскулачивание её деда и бабушки, высылка в Сибирь отца, детдом... Колесо Сансары совершает свою вечную работу - так думала Нея, покидая волшебное здание музея, венчающее знаменитый Чуйский тракт. Она уже не плакала, потому что её слёзы были подарены тому сказочному вечеру, засыпанному снегом и отмеченному появлением роковой испуганной птицы.

*Нине Сязиной,
сотруднице Бийского музея,
посвящается*

ХРАНИТЕЛЬ ТАЙНЫ

*****

1.

Лео медленно двигалась между длинными высокими полками, заполненными книгами, документами, альбомами, реестрами. В одном месте она поправила выбившийся из ряда документ, в другом – смахнула пыль, в третьем - вернула на место тематическую бирку. Тишина в зале, чистота, стройные ряды полок - здесь её царство, её кайф. Это смогут понять только историки - фанатики, жизнь которых зависит от архивов, библиотек, музеев.

Маленькая ладная фигурка Лео среди спящих древностей казалась материализовавшейся Феей Времени. Действительно, она управляла временем, стирая его безжалостные следы с документов и экспонатов. Их обновление и реставрация, хранение, приём на учёт новых ценностей - она любила эту работу и все предметы, к которым прикоснулось дыхание Времени.

Да и сама Лио - живой документ, веточка на необъятной кроне родового древа. Её мать и отец были родом из семей раскольников староверов. Она помнила бабушку, которая вырастила девятерых детей. Все они выжили и не потерялись в жизни, хотя Время извечно делало суровую работу, стирая в прах всех, кто попадал под его каток.

Лио прошла в зал, где хранились материалы композиций для выставок, сделала всё, что намечала ещё вчера, и присела в глубокое кресло у окна.

-Странный сегодня день, - подумала Лио. С самого утра ей казалось, что кто-то пробивается к ней из далёкого далека, как будто со дна океана. Это ощущение не оставляло её и во время работы, а сейчас, когда выдалась минутка отдыха, нахлынуло ещё сильнее. - Наверное, сегодня у меня будут гости, - сказала она тихонько сама себе, - но я ведь никого не жду.

Лио прикрыла глаза, расслабилась и мгновенно почти уснула.

2.

И вот Лио входит в знакомый зал. Ряды полок с документами освещены косыми оранжевыми лучами – предзакатное солнце заглядывает в окно. Оранжевые блики окрашивают всё в

тёплые тона, тени деревьев перебегают с одного места на другое, и кажется, что зал ожил, затрепетал. Кто-то танцует, скрываясь за рядами полок. Лио тоже хочется танцевать, проноситься вихрем, прикасаясь лёгкими одеждами к излучениям Времени, которые струятся от каждой полки и висят светлым ореолом в воздухе.

Лио танцует, летая тополиной пушинкой, сверкая в закатных лучах солнца, блаженно улыбаясь. Но вдруг возникает тайное препятствие. Лио не может понять, что это. Может быть, яркий луч, упавший на одну из полок?

Она приближается к нему, протягивает руку и берёт документ, который высвечивает луч. Это белая папка с подшивкой Указов "Кабинета" по Алтайскому округу. Папка становится розовой, как будто солнце подаёт сигнал:

-Ты правильно поняла меня!

Лио открывает папку, листает страницы и глаз останавливается на знакомой фамилии: "Фёдора Сязина, боярского рода бунтовщицы Морозовой, срубившего дом на Правобережье Оби, из наблюдения не выпускать..."

В сердце вливается быстрая горячая волна, и оно заходится в судорожном стуке.

-Вот что не давало мне покоя сегодня! - думает Лио. - Неужели я - потомок боярыни Морозовой?

Она просыпается и видит себя сидящей в глубоком кресле у окна. Краткий сон, словно яркая реальная картина, всё ещё стоит перед глазами.

3.

-Нужно пойти в хранилище документов и посмотреть эту папку! - подумала Лио. – А вдруг в ней и нет ничего о Фёдоре Сязине? Ведь сон есть сон.

Она встала и почти бегом направилась в хранилище. Нашла нужную полку, с замиранием сердца скользнула глазами по корешкам стоящих, словно в солдатском строю, документов. Вот она та белая папка с Указами.

Лио гладила её и не решалась открыть. Преодолев волнение, всё же перевернула обложку и медленно, лист за листом, просмотрела все Указы, отчёты, письма. Но Указа о Фёдоре Сязине не нашла... Лио ещё раз пролистала всё от начала до конца и вдруг увидела, что нумерация страниц прервана – нет десятого листа.

Она вернулась к началу папки, пробежала глазами по реестру. Под

номером десять значился Указ о староведах. Лио, чуть не плача, заглянула вглубь разворота и заметила крошечный клочок бумаги, оставшийся от документа. Кто и когда вырвал этот лист? Она уже не узнает об этом.

Машинально поставила она папку на место и направилась почти бессознательно к двери... Проходя мимо зеркала, остановилась, внимательно посмотрела в глаза зеркальному двойнику. Лио улыбнулась лучезарной улыбкой, вытерла слёзы и только теперь вернулась в сегодняшний день. За последний час она прожила, пропустив через своё сердце, почти три века...

Повернувшись в профиль она критически и совершенно по-новому оценила свою внешность – её лицо повторяло знаменитый лик боярыни так, словно они были рождены близнецами.

СЕНТЯБРЬСКОЕ ВИДЕНИЕ

*****

1.

-Ну, что? – сказала ворона, обернувшись к Эйде. – Теперь давай ты.

Эйде открыла рот от удивления. Уже полчаса наблюдала она за купанием большой сизо-чёрной вороны, спрятавшись за кустарником, думая, что та не видит её.

Громоздкая птица стояла в реке на красных лапах и плескалась, как человек. Нырляла с головой в воду, выпрыгивая из потока, большими крыльями разбрасывала прозрачные радужные брызги.

Она купалась с таким довольным видом, что Эйде любовалась и думала – похожа птица на чёрную монашку-молодицу. Сбежала она из монастыря, вырвалась на свободу и смывает в чистой осенней реке, в лучах сентябрьского солнца, запах вечной кельи. Тополя полыхают над головой, с каждым дуновением ветра осыпают её жёлтыми монетами листьев.

Вот новая большая пригоршня золота кружится на ветру и падает, падает в реку, прибываясь к ногам девицы-молодицы. А она всё купается,

купается и не может накупаться. Так бы и плескалась вечно в прозрачной воде, в быстром потоке.

2.

-Что же ты молчишь?- спросила ворона.

Взглянула Эйде, а это уже не ворона – и вправду девица-молодица с длинной чёрной гривой волос..

-А где же ворона? – удивилась Эйде.

-Какая ворона? – весело откликнулась девица.

-Ну, та, что купалась вот здесь - на перекате,- растерянно сказала Эйде.

-Вороны я не видела, а вот тебя за кустарниками заметила. Вода тёплая, как летом - полезай. Искупаться – одно удовольствие,- пригласила молодлица.

Эйде сбросила платье и шагнула в реку, прошла подальше – в ямку, нырнула в светлые волны, поплыла. Сквозь толщу воды видны были все камешки на дне – так прозрачна вода осенью.

-Ну, что – хороша водица? – спросила девица-молодица.

-Да, лучше, чем в июле - тогда глину несло, дожди шли, а сейчас – чистота и лепота, - засмеялась Эйде. - Ты

откуда? Что - то я тебя раньше не видела.

-Из монастыря сбежала, - сказала молодлица.

- И как же ты теперь будешь жить? Где?

-Не пропаду!—беззаботно засмеялась девица. – Пойду родственников искать, их у меня – тьма тьмушая.

-Вот это хорошо! – обрадовалась Эйде. – А где твои родственники? Здесь живут или далече?

-И здесь, и далече – везде, - снова улыбнулась молодлица.

-А ну как они не примут тебя. Что тогда?

-Что ты! Мои меня всегда примут, - ещё ярче улыбнулась девица.

-Полезай в омут, поплавай, - пригласила Эйде.

-Вот этого-то я и не умею. Плавать не научилась, поэтому и плещусь на мелководье, - сказала молодлица.

-Да здесь не глубоко, ты дно почти достанешь.

- Всё равно боюсь. Лучше я здесь, на перекате поплещусь, пёрышки свои помою, - засмеялась молодлица и тряхнула иссиня чёрными длинными волосами.

-Скажи, как там у вас, в монастыре? Интересно?

-Нет, ничего интересного! Такая же возня, как и в миру. Каждый стремится поближе к Матушке быть, побольше угодить, в милости жить. Про Бога мало кто помнит, хотя поминают Его часто.

-Значит и там грех живёт? – спросила Эйде.

-Да. Греха больше, чем святости.

-Куда же тогда податься, если приспичит? – спросила Эйде, загрузив душой.

-В лес иди – там чисто. Там душа и отойдёт.

-В лесу-то, конечно. Я это знаю, – сказала Эйде.

-Нет ничего чище леса-только вода, - задумчиво заметила молодлица

Эйде плавала, ныряла, ощущая свежесть, упругость воды, подставляя спину и лицо яркому солнцу, сиявшему совсем по-летнему. Девица - молодлица сидела на бережке и счастливо улыбалась. Видно было, что всё вокруг ей нравится. Ветер развевал подсохшие пряди волос, приносил запах полыни и кидал его охапками, напитывая округу ароматом горькой пряной травы. Когда волосы высохли, их блеск стал ещё ярче,

и казалось, нимб засиял над головой юной монашки.

-Вот это да!-восхищённо сказала Эйде.- Из твоих волос можно чёрный жемчуг делать.

Молодица засмеялась, тряхнула своей сияющей гривой и произнесла: "Жемчуг – на дне реки. Нырни, может, и найдёшь". Эйде нырнула. А когда вынырнула, увидела пустынный берег, жёлтый листопад и черное с сизым отливом перо на гальке у воды. Высоко в синем сентябрьском небе летела, удаляясь, превращаясь в точку, одинокая ворона.

-Ау!– крикнула Эйде.– Где ты? - Никто не ответил.

-Что-то важное не успела я спросить у монашки, - горевала Эйде, - то, что знает она, но не знаю я.

И только спустя несколько месяцев в ярком цветном сне объявилась красавица молодлица.

-Скажи мне, подружка, - взмолилась Эйде, боясь, что видение исчезнет, - в чём твоя тайна? Почему я не могу забыть тот сентябрьский день, когда мы купались в омутке?

-Не бойся, я с тобой. Я Бог твой. Я помогу тебе. Я укреплю тебя. Я поддержу тебя десницею Правды Своей, - спокойно и негромко проговорила молодлица.– Это

Писание. Там найдёшь ответы на все вопросы.

СЫН БОГА

*****

*Памяти моего сына Славы
посвящается*

1.

Камень, прогретый яростным солнцем, был уютен, как лежанка в старом обжитом доме. Иво присел в углубление, словно специально сделанное в форме кресла искусным мастером. Камень щедро делился теплом с неожиданным гостем. Иво снял телогрейку, растегнул рубашку и подставил лицо и грудь весенним лучам. Сквозь закрытые веки солнце казалось ярко-малиновым заревом.

Иво почти уснул, когда услышал рядом осторожное шуршание сухой травы. Он приоткрыл один глаз и увидел маленькую жёлтую ящерицу. Она уже взобралась на край камня и внимательно наблюдала за рукой Иво, которая оказалась перед её продолговатой мордочкой.

Иво открыл и второй глаз. Странно, но вдруг показалось, что ящерица подмигнула ему весело и задорно. Она быстро развернулась и шмыгнула в сухую траву. Смотрела оттуда, сверкая глазками, словно приглашала куда-то. Иво приподнялся,

ящерица отбежала подальше. Иво шагнул один раз, ящерица отбежала ещё дальше. Двигаясь таким образом, Иво прошёл несколько шагов, следуя за ящерицей. Вдруг под ногами что-то блеснуло. Иво наклонился, разгрёб траву и увидел браслет.

2

Это был браслет, сделанный из золотых монет. На монетах жёлтым барельефом сиял Георгий Победоносец. Золотое копьё, золотой конь, золотой щит и золотой змей под копытами - всё чётко, красиво и объёмно. Видно было, что монеты настоящие.

Иво рассмотрел и год - 1903, проставленный с обратной стороны монет – там, где раскинул крылья двуглавый орёл. Монеты крепились к боковым направляющим. Иво удивился, но эти направляющие в форме двух золотых ящериц, смотрящих в противоположные стороны, были словно слепки с той, живой золотистой, что подмигнула ему так весело.

3.

Поворачивая браслет то одной, то другой монеткой к солнцу, Иво задумчиво рассматривал внезапно явившееся чудо. Жёлтый металл притягивал взгляд, и что-

то глубинное просыпалось в сознании. Казалось, браслет вот-вот заговорит. Иво, действительно, услышал голос, звучащий прямо в сознании, минуя речь. Голос ни мужской и ни женский, а похожий на звучание неизвестного музыкального инструмента.

-Закрой глаза! – приказал голос отчётливо.

Иво повиновался. Сначала ничего интересного не произошло. Но через полминуты Иво увидел светлое пространство, а в нём - цветную точку. Точка, переливаясь всеми цветами радуги, росла, и, наконец, заняла весь первый план. Мелькание цветов приобрело какую-то упорядоченность и постепенно перед внутренним взором Иво возникла фигура человека.

Золотисто-оранжевое сари, воздетые в небеса руки, лицо цвета неба, большой веночек из прекрасных цветов, надетый на шею и свисающий вдоль туловища почти до колен - совершенно такой, как в книге, которую дал Иво один кришнаит.

-Это Кришна, - подумал Иво.

-Да, это Кришна, - подтвердил музыкальный голос.

Кришна двигался в танце плавно и гибко. Две пары рук что-то выговаривали языком жестов.

-Кришна сообщает тебе, - запел музыкальный голос, - что этот браслет переплавлен и сделан заново в 1903 году в России. Но драгоценности, из которой он переплавлен, три тысячи лет. Смотри, как выглядит настоящий браслет.

Музыкальный голос запел мантру: Харе Рама, Харе Рама. Рама, Рама, Харе, Харе. Харе Кришна, Харе Кришна. Кришна, Кришна, Харе, Харе.

Браслет неуловимо изменился. Голос пел мантру. Браслет на глазах превращался в роскошное изделие, где вместо монет маленькие золотые фигурки Кришны танцевали, словно живые. Обрамлением служили цветы из венка Кришны.

4.

- Знай, что ты из числа Избранных. Кришна приглашает тебя в свой дворец, - пел голос. - Дорогу покажет ящерица. Иди за ней, ничего не бойся. Браслет надень на руку, ты должен вернуть его Кришне.

Иво встал, поискал глазами ящерицу. Она сидела неподалёку под сухим кустиком зверобоя. Безлюдная и

равнодушная степь, ещё не совсем проснувшаяся от зимней спячки, раскинулась до самого горизонта. Там, казалось в несуществующей дали, синели едва видимые отсюда вершины гор. Иво шагнул в сторону ящерицы, она, блеснув ярко-жёлтым боком, скользнула вперёд. Он двигался, стараясь не упустить ящерицу из вида. Это легко удавалось - на грязновато - бесцветном фоне сухой степной травы её ярко-жёлтая спинка сверкала, словно золотой браслет. Иво почти бежал, поспевая за её неуловимым мгновенным скольжением.

Бежать было трудно, но он не рискнул бросить телогрейку. Наученный суровой жизнью, он знал, что нельзя оставаться без тёплой одежды в голой степи даже летом. А сейчас ещё только март. Иво бежал, обливаясь потом, задыхаясь, боясь потерять своего волшебного гида. Наконец, он упал, не в силах двигаться дальше.

-Стой! – взмолился он.

Ящерица остановилась, сидя на небольшом камне. Иво смотрел на неё с обожанием – он и не думал, что будет понят. Он лежал, блаженно глядя в глубокое небо. Там, на немыслимой высоте висели лёгкие перистые узорчатые

облака, словно ажурный веер прекрасной царевны.

5.

Иво только сейчас задумался над тем, что произошло. Он воспринял всё так, как будто ждал чего-то подобного. Но ведь на самом деле не ждал. Он и представить не мог такого чуда - золотой браслет в траве, золотая живая ящерица, музыкальный голос, мантра, Кришна... Всё это не укладывалось в голове. Иво – Избранный! Может быть, ему всё это снится?

Он скосил глаза, убедился, что ящерица сидит на камне - ждёт, когда он отдохнёт. Облака в вышине, шелест сухой травы, бескрайняя степь – всё абсолютно реально. Нет, это не сон. Тогда за что же ему выпало такое счастье?

-Ты сын Бога Кришны, - прозвучал музыкальный голос. – И рождён в России для испытаний, для закалки Духа. Всё закончилось, ты прошёл свой Путь.

- Я? –удивился Иво. – Я - сын Бога? Не может быть!

Он, рождённый в сибирском селе, мальчик – хулиган, не слушавшийся учителей, плохо учившийся в школе – он сын Бога? Иво вспомнил свою мать -

простая женщина, доярка в совхозе. Она вставала в три часа ночи, потому что в четыре утра начиналась дойка. К шести утра мать уже возвращалась домой и хлопотала у печки. Она часто ругала Иво за плохие отметки, за хулиганские выходы в школе, за неделанные уроки. Мама, мама - теплом разлилось в груди это забытое слово. Иво был уверен - мать рассмеялась бы, скажи ей кто-нибудь, что её непослушный ребёнок - сын Бога.

Иво плохо учился и в училище, куда мать отдала его после девятого класса. Его никогда не хвалили. Ни разу не посетила его голову мысль о своей исключительности. Когда Иво попался на краже магнитофона из «крутого» автомобиля, и его продержали год в тюрьме до суда, он совершенно смирился с тем, что жизнь повёрнута к нему одним из своих уродливых ликов. Но в то же время он понял - в тюрьме сидят обычные люди, и многие попали туда за пустяки. Иво голодал вместе со всеми, потому что мать не могла делать ему большие передачи, на это не было денег. Он спал по очереди на нарах - камера была переполнена.

Иво пил чай из одной кружки с туберкулёзником Петрухой, потому что другой кружки не было, а мыть посуду

никто и не помышлял. Он мёрз ночами – в камере было сыро, окно и стена возле него покрывались инеем.

Когда он попал туда же во второй раз снова за кражу магнитофона из автомобиля, то шёл в камеру уже как в родной дом. И вот сейчас он после третьей отсидки вышел в тот мир, который всё время отвергал его. И кто бы мог подумать, что здесь, в степи, ждёт его такое чудо.

Хотя Надежда на чудо всегда жила в сердце Иво. Узнав жизнь с уродливой стороны, пережив многие чёрные дни, он несколько не обозлился. *Детская любовь к миру так и сияла в нём как солнце.*

6.

Иво приподнялся, взглянул на ящерицу. Она посмотрела озорным глазом, словно приглашая продолжить путь.

-Хорошо, - сказал Иво, - пошли дальше.

И снова бежал он, ловя золотое сверкание в траве. Снова падал, отдыхал. Ночью спал, свернувшись калачиком на охапке сухостоя. Так прошли три дня. Иво был голоден. Он чувствовал, что ослаб. Но желание дойти т у д а, куда вела его

золотая ящерица, было сильнее голода и усталости.

На четвёртый день Иво добрался до самого подножия гор. Это случилось поздно вечером. Над цепью гор повис тонкий серебряный месяц, сияя голубым светом в окружении неправдоподобно огромных звёзд. Иво долго смотрел в узкое лицо месяца, пока не уснул безмятежным счастливым сном.

7.

Солнце достало Иво своими тёплыми лучами и разбудило его. Утро было дивно прекрасным - вся степь, склоны гор горели розовым огнём. Ящерица уже сидела рядом на камне и смотрела как всегда весело и призывно.

- Я готов, - сказал ей Иво.

Он стал карабкаться вверх по склону вслед за ящерицей. Склон становился всё круче - ноги постоянно сползали вниз по сухой траве.

Три раза Иво отдыхал, сидя на валунах и глядя в просторы степи, которые он прошёл за четыре долгих дня. Если бы не золотая ящерица и не браслет на его левой руке, он не смог бы проделать этот огромный путь. Но ящерица неведомым образом давала силы Иво, помогала ему. Наверное, так и было.

Иво поднялся на вершину и увидел, что путь обрывается - впереди каменная пропасть. Ему хорошо было видно, как на дне пропасти между камней пробирается серебристая извилистая нитка горной реки. Ящерица сидела на самом краю пропасти и смотрела на Иво своим озорным блестящим глазком, как будто говоря: "Ну, что, пришёл? Куда теперь?"

Иво оглянулся вокруг, как бы ища подсказки. И она не замедлила появиться.

-Ты должен перелететь пропасть, - ясно сказал музыкальный голос. – Это твоё последнее испытание. Тогда ты перейдёшь в состояние Бога. Помни, Кришна любит тебя и ждёт!

8.

Иво долго сидел, глядя на другую, такую недостижимую, сторону пропасти. Ему казалось - он видит золотой замок Кришны. Сверкающие гладкие ступени вели в его недра. Золотые главы башен сияли под солнцем. Узорчатые стены, покрытые вьющимися цветущими лианами, пальмы, раскинувшие огромные листья и дающие кружевную тень, фонтаны с серебряной водой, выбрасывающие её живые струи из рук статуи Кришны - всё это видел Иво на другой стороне каменной пропасти.

Солнце уже скатывалось к горизонту, стремясь присесть напоследок на самый краешек неровной линии гор. Скоро стемнеет. Нужно решать, что делать. Неужели путь длиною в четыре долгих дня, полных голода, холода ночей, надежды на чудо - неужели этот путь проделан напрасно?

Иво, привыкший ко всяческим лишениям, переживший не однажды обман и предательство, знавший горькие минуты потери друзей, чуть не плакал на краю каменной пропасти. Жёлтая ящерица, дарившая ему силы в пути, исчезла – он даже не заметил, когда – так пристально всматривался он в очертания золотого дворца Кришны, так рвалось туда его уставшее сердце.

Наконец, Иво понял, что не сможет вернуться обратно. Он понял, что способен шагнуть только вперёд, и упасть, разбившись о камни, либо, действительно, взлететь. Он успокоился, оглянулся вокруг, неосознанно ища поддержки, и шагнул в пропасть, успев краем глаза увидеть огромный карминовый диск солнца, прилепившийся к горизонту.

Иво падал вдоль каменной стены, летя туда, где петляла меж камней на дне пропасти горная речка.

-Ну, вот и всё! – с каким-то облегчением произнёс он вслух. Ветер сорвал эти слова с его уст и отбросил вверх – к вечернему сиявшему малиновым отблеском небу.

Иво вдруг заметил, что падение остановилось. Он увидел Кришну в золотом сари. Кришна держал его в своей ладони и улыбался. Они взмыли вдоль кручи вверх и оказались на сверкающих ступенях золотого дворца.

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

*****

Тучи сплошным сизым, почти чёрным фронтом быстро накатывали на село, выворачиваясь из-за синих гор. Потемнело, плеснул сырой холодный ветер, забормотали, а потом загудели вершины тополей и вётел. Упали первые крупные капли, мгновенно вырисовывая на тёплом шифере крыши влажные звёзды. В небе грохотало и сверкало со всех сторон.

Эри, вместе с братьями, наблюдавшая это живое театральное действие, бросилась в дом. Братья – за ней. Эри сегодня исполнилось десять лет. Она – старшая сестра, поэтому братья всегда бегают за ней, как овечьи хвостики. Все они при этом весело хохотали, заслоняясь ладошками от холодных капель. Как только они оказались под крышей на веранде, дождь хлынул словно из ведра, превратившись в сплошную стену воды.

Дождь хлестал, безжалостно полоща травы, деревья, крыши, мотая во все стороны цветы на клумбе. Казалось, ветер и дождь непременно хотят оборвать все астры и утопить в воде, которая прямо на глазах стала покрывать землю, не успевая уходить вглубь почвы.

Вдруг звук ливня изменился, стал жёстче, косой стеной повалил град. Градины падая на землю, подскакивали – казалось ожила вся поверхность над зеленой травой.

Эри и два её брата стояли в проёме двери на веранде и восхищённо, но с примесью страха наблюдали эту ледяную бурю среди лета, затыкая уши от раскатов грома. Окрестность–и небо, и деревья и дома–окрасилась мгновенной вспышкой в ярко-сиреневый цвет. В небесах раздался такой мощный треск, что Эри инстинктивно присела.

Эри сразу заметила золотой шар, выскочивший из-за гор. Сияющий как солнце, размером с футбольный мяч, шар, разбрызгивая во все стороны искры, полетел над горами, точно повторяя их зубчатые очертания. Казалось, летит живое существо, которое напоминает рисунок горных вершин, и кружева сосновых массивов.

- Папа, посмотри! Что это? - крикнула Эри отцу.

Отец вышел на веранду, посмотрел туда, куда указывала Эри. Странная картина плывущего над горами живого шара удивила его.

- Скорее всего, шаровая молния, - сказал отец. – Смотрите внимательно -

такое увидишь не часто, может быть, это в первый и последний раз.

Они стояли, казалось, где-то на Венере, и наблюдали за полётом сияющего шара. Вот он остановился около утёса, громоздившегося на вершине горы. Завис, будто знакомясь с каменным изваянием природы. Утёс издали казался фигурой кочевника, сидящего, скрестив ноги, у костра. Шар облетел утёс кругом, покачался над головой кочевника, вдруг резко взмыл вверх, вспыхнув как сигнальная ракета, и исчез без следа.

Эри ахнула - ей казалось, что она только что потеряла драгоценность. Не верилось, что разумного светящегося шара больше нет

Во сне Эри снова увидела золотой шар и спросила у него, кто он? Шар ответил:

-Эри! Я – подарок к твоему Дню Рождения. Неужели ты не поняла этого? - Я поняла! – обрадовалась Эри. – Но почему ты исчез?

-Я не исчез, ты же видишь меня?

-Вижу!– блаженно улыбаясь, сказала Эри.

- Я буду жить, как ты – красиво и ярко! – пообещала она золотому шару.

Эри было десять лет, но она пока ещё не поняла, что жизнь и сказка - это

разные вещи. Она не знала своей судьбы – этой злобной птицы с острым загнутым клювом.

Эри спала и улыбалась во сне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АФГАНСКАЯ РАПСОДИЯ*	4
Часть первая. СРЕДИ СКАЛ.....	4
Часть вторая. РАБСТВО.....	57
Часть третья. ИСПОВЕДЬ.....	76
Часть четвёртая. ПОЛЗКОМ НА ДАРВЕШАН.....	102
АНУЙСКИЙ ПРЯМОУГОЛЬНИК	114
ПИАНИССИМО	128
ХРАНИТЕЛЬ ТАЙНЫ	134
СЕНТЯБРЬСКОЕ ВИДЕНИЕ	139
СЫН БОГА	145
ШАРОВАЯ МОЛНИЯ	157

Людмила Максимовна Козлова

Афганское болеро

Редактор и рецензент Николаев Н.М.

ISBN 5-87643-075-7

Издательство «Кедр»
г. Бийск, ул. Мерлина, 52
Лицензия ИД №00124
от 03.09.1999 г
Сдано в печать 08.01. 2004.
Формат 60x84 1/32. Усл.печ.л. 5,1.
Заказ 08/03
Тираж: заказ 500 экз. Отп. 100

Типография «Принт-плюс», г. Бийск

